

СЕКЦИЯ 5

«КУЛЬТУРОЛОГИЯ»

СОДЕРЖАНИЕ

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ АМЕРИКАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ И МЕНТАЛЬНОСТИ Куликов А.В.....	641
УРОВНИ И ФОРМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ Моисеева Л.А.	645
ПОСТМОДЕРНИЗМ КАК ДЕКОНСТРУКЦИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОСНОВАНИЙ КУЛЬТУРЫ Мухамеджанова Н.М., д-р культурологии, доцент.....	649
КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОГО РЕГИОНА Орлова Е.В., к.филос.н.	656
МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В БИЗНЕС-ПРОЕКТАХ Скопинцева Т.Ю., к.филос.н., доцент, Рубас Е.П.....	661
ПРОБЛЕМЫ НАСЛЕДОВАНИЯ НАСЛЕДИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ Скопинцева Т.Ю., к.филос.н., доцент	665
ЧТО ТАКОЕ ПАРАНАУКА? Урмантаева А.С.....	672
«ДНЕВНИК» Т.Г. ШЕВЧЕНКО В КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ И ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ Хмелевский М.С., к.ф.н., доцент, Савченко А.В., к.ф.н., ассистент-профессор	676
ОРЕНБУРГ КАК ОБЪЕКТ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ Щегрова А.А.	681

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ АМЕРИКАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ И МЕНТАЛЬНОСТИ

Куликов А.В., студент
Оренбургский государственный университет

Образ и стиль жизни современного северо-американского общества, проецирующий суть американской ментальности посредством развлекательной индустрии (музыки, кинематографа) и СМИ (прежде всего, сети Интернет, социальных сетей), выступающих катализаторами глобализации, находят положительный отклик в социокультурном пространстве многих стран, в том числе, в России. Феномен американского менталитета, являющегося ядром американской культуры (и скорее всего, – культурным эталоном современной западноевропейской цивилизации) опосредован целым рядом факторов, имеющих различную природу (экономическую, социальную, политическую, правовую, этническую, религиозную). Выделяя значение менталитета для социокультурной системы, И.В. Никитина пишет: «Менталитет интегрирует культуру не в качестве неизменной изначальной данности, а как доминанта, определяющая изменение и сохранение социальных ценностей и норм. Менталитет нации – это культурная парадигма, присутствующая в народном сознании» [4, с. 73].

Восприятие и понимание ценностей американской культуры сегодня во многом опосредованы стереотипными представлениями о повседневной бытовой деятельности американцев, которые в той или иной мере отражают подлинную суть культуры американского общества. Здесь нужно иметь в виду, что приоритетные ценности современных американцев, в отличие от многих других наций, сильнее культивируются в повседневно-бытовой сфере. Характеризуя ключевые концепты американского менталитета, М.М. Филиппова пишет: «В целом, можно сказать, что американцы унаследовали лучшие черты первых поселенцев: они энергичны (energetic), оптимистичны (optimistic), самостоятельны (independent), предприимчивы (enterprising) и трудолюбивы (hard-working). Они любят твердо стоять на ногах (tostandfirmontheirowntwofeet), наслаждаться жизнью (enjoyinglife), быть дружелюбными (beingfriendly), радостными (joyful), отзывчивыми и общительными (outgoing), забавными (humorous). Они любят соревнования, любят устанавливать рекорды (likecompetitionsandsettingrecords), ценят достижения (valueachievements)» [1, с. 30].

Но, учитывая трансформацию культурно-ценностного пространства, сегодня доминирующее положение занимают ценности, сопряженные с «исключительностью» американской нации и государства, транслируемые и пропагандируемые в эгалитарной культуре [2, с. 284]. Феномен «американской исключительности» давно уже стал социокультурным трендом, находящим яркое воплощение во внешнеполитических амбициях США, постоянно претендующих на роль мирового гегемона. Можно добавить, что идеология

«исключительности» во много детерминирована менталитетом американского общества, например, деловитость, экономия времени и расчетливость, выступают в качестве неотъемлемых ментальных доминант типичного американца.

К категории других приоритетных ценностей современной американской культуры относятся ценности гедонистического свойства. Как отмечает Т.И. Баева: «Современный типичный американец, в основном желающий получать удовольствия в жизни, разительно отличается от пассионариев-первопроходцев или поколений начала и середины 20 века, стремящихся к лучшей жизни, добывающихся успеха, старающихся выиграть, быть лучше других» [3]. Здесь нужно сделать некоторую поправку на этнический, религиозный и культурный состав социальных общностей и групп американского общества. Дело в том, что принцип «состязательности», инстинктивное желание быть «лучше всех» не растворились в американской культуре и сознании американцев, а актуализировались в несколько ином ценностно-смысловом выражении в зависимости от этноконфессионального состава социальных групп. Рассматривая ценностные ориентации современного американского общества в социолингвистическом аспекте, Е.П. Чернобровкина пишет: «Ценностные ориентации современных американцев направлены на потребление и приобретение личного счастья, ассоциируемого с богатством. Однако представители этнических и расовых меньшинств в США, как показывают исследования, придерживаются иных ценностей, которые отличаются от ценностей «белого» большинства. Например, афроамериканцы ценят общинность и групповую гармонию, демонстрируют особый стиль общения, отдавая предпочтение движению, духовности и самовыражению. Американцы азиатского происхождения также имеют много общего между собой и ценят семью, групповую гармонию, почитают старших, хотя и являются представителями разных народностей» [6, с.107].

В качестве экономических оснований американской ментальности и культуры выступают соответствующие ценности и принципы организации трудовой деятельности, подчеркивающие меркантильность американской культуры и общества в целом, содержание и структура которого в высшей степени коммерциализированы. По этому поводу Е.Г. Нецадим и Н.С. Аракелян отмечают: «Отличительной чертой представителей американского народа являются высокая организация труда, умение ценить время. Американец отличается самостоятельностью, независимостью, стремлением в любом деле полагаться только на себя. С раннего детства они надеются только на себя. Американцы деловиты. Они больше всех работают, и меньше всех отдыхают. Они делают деньги. Они стремительны и пунктуальны» [5, с. 144].

Как это ни парадоксально, но меркантильность американского менталитета и коммерциализация культурной среда уходят глубоко корнями в религиозное сознание, во многом детерминирующее трудовую мораль, базовые принципы хозяйственной деятельности, имущественные и торговые

отношения. К тому же, нужно учитывать плюралистичность религиозного сознания американского общества, в силу того, что отцы-основатели решительно стояли на принципах свободы религиозного вероисповедания. Вообще, для США свойственен наиболее широкий религиозный плюрализм, сочетающий протестантизм с католицизмом, иудаизмом, исламом и другими религиями [7, с. 50].

В качестве следующего основания американской ментальности и социокультурного пространства американского общества является идея или «дух» индивидуализма, а также вера в прогресс и справедливость американских социально-экономических, социально-политических и правовых институтов. Все это интегрируется в феномене «американизм». Более того, становление и развитие американского национального самосознания детерминировано феноменом «американизм». Американизм по своему содержанию является сложным комплексом, состоящим из множества различных, иногда противоположных компонентов. По сути, американизм представляет собой некое подобие американской идеологии, основанной на вере в прогресс, человека, исключительность американской нации (иногда проявляющейся в крайнем национализме), мессианство Америки, указывающей путь правильного развития всему человечеству. Помимо этого американизм предполагает приверженность противоречащим друг другу идеалам: равенство и богатство; индивидуальная свобода и конформизм; высокий интеллектуализм и антиинтеллектуализм и т. д.

Рассматривая особенность американской ментальности, стоит отметить особое стремление американцев в поисках собственной государственности, так сказать содержательности идеи национального самосознания. Примечательным примером может служить мысль Д. Брустина, выраженная им в труде «Американцы: Национальный опыт»: «Новая страна предпочитала канонизировать не событие или акт, а его провозглашение: всенародную декларацию юридических прав и общих принципов. «Славу этого акта затмила слава его провозглашения». Это было одним из наиболее значительных выборов, сделанных американцами в постепенных, неосознанных поисках своей государственности. Это было подходящим способом самовыражения страны» [8, с. 477]. Здесь даже не столько важно задокументирование законов, сколько само (во многом иррациональное) стремление национального самосознания американцев к идее всеобщего правопорядка.

Таким образом, структурно-содержательной основой американского менталитета, являющегося культурным ядром, выступают ценности экономического (деловитость, хозяйственная хваткость, трудолюбие, расчетливость, рационализм, меркантильность), политического (либерализм, демократизм, патриотизм, исключительность, мессианство, гегемония), правового (справедливость правосудия, неприкосновенность частной собственности) и религиозного (религиозный плюрализм) порядка, которые определяют ценностно-смысловое содержание культурного кода, задавая траекторию развития американского общества.

Список литературы

1. Филиппова, М.М. К вопросу о ключевых концептах американского менталитета / М.М. Филиппова // ЯЗЫК, СОЗНАНИЕ, КОММУНИКАЦИЯ; сб. ст. – М., 2011. С. 27-34.
2. Петелин, И.А. Идеология и менталитет российского и американского народов / И.А. Петелин, Ковалева Л.В. // Актуальные проблемы права, экономики и управления. – 2015. – № 11. – С. 283-285.
3. Баева, Т.И. Из опыта работы с американскими студентами (замечки преподавателя-русиста) / Т.И. Баева. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21702936> (дата обращения: 5.03.2019).
4. Никитина, И.В. Менталитет в цивилизации и культуре Востока и Запада / И.В. Никитина // Общество. Среда. Развитие. – 2009. – № 2 (11). – С. 72-78.
5. Нецадим, Е.Г. К вопросу о менталитете американского народа / Е.Г. Нецадим, Н.С. Аракелян // Современные исследования – 2017: сборник статей по материалам международных научно-практических конференций; под общей редакцией А.И. Вострецова. – Нефтекамск, 2017. – С. 142-146.
6. Чернобровкина, Е.П. О ценностных ориентирах современных американцев в социолингвистическом аспекте (на материале коротких рассказов) / Е.П. Чернобровкина // Вестник Бурятского государственного университета. – 2016. – № 2. – С. 102-108.
7. Гаджиев, К.С. Американская нация: национальное самосознание и культура / К.С. Гаджиев. – М.: Наука, 1990. – 240 с.
8. Бурстин, Д. Американцы: Национальный опыт / Д. Бурстин; пер. с англ.; авт. послеслов. В.П. Шестаков; коммент. П.В. Балдицына. – М.: «Прогресс» – «Литера», 1993. – 624 с.

УРОВНИ И ФОРМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Моисеева Л. А., студентка
Оренбургский государственный университет

На рубеже XX – XXI веков развитие экономической, политической, социокультурной и технологической сфер общественной жизни происходит в специфических условиях тесных взаимосвязей между культурами, странами и цивилизациями. Глобализация пронизывает все сферы деятельности человека в современном обществе.

Одним из наиболее сложных явлений развития современного общества становится социокультурная глобализация, которая имеет ряд положительных и отрицательных черт. В глобализирующемся мире улучшаются контакты между культурами, формируется единое духовное пространство, стираются культурные и идеологические барьеры между народами. Но глобализация порождает и ряд негативных тенденций. К таковым можно отнести унификацию культур, безапелляционную экспансию идеалов и ценностей массовой культуры, исчезновение традиционных ценностей и разрушение самобытных культур. Реакцией на эти процессы становятся конфликты и противоречия между странами. В таких условиях жизненно необходимым становится вопрос улучшения коммуникации между разными культурами, которые вступают в контакт друг с другом. Изучение межкультурной коммуникации как научной дисциплины способствует повышению качества межкультурных связей и межкультурного взаимодействия [5, с.67-68].

Межкультурная коммуникация – информационное взаимодействие культур в процессе и в результате прямых или опосредованных контактов между разными этническими или национальными группами [7]. Межкультурная коммуникация может осуществляться в разных формах. Согласно общепринятой классификации, межкультурная коммуникация может быть вербальной и невербальной. Вербальную коммуникацию понимают как процесс языкового общения, при котором происходит обмен информацией. Стоит отметить, что вербальная форма коммуникации осуществляется через лингвистический и паралингвистический каналы. Лингвистический канал вербальной коммуникации – это общение на основе единого языка и культурного кода собеседников. К паралингвистическому каналу относится информация, которая передается через темп, тембр, громкость речи. Паралингвистическая коммуникация может быть обусловлена культурными, социальными и идиолектными факторами [6, с. 187; 2, с. 65]. Вербальная коммуникация является основным, но не единственным видом коммуникации. Исследования Е. И. Рогова показали, что через вербальное общение собеседник получает 40% информации, прочая информация черпается из невербального общения.

Невербальная форма коммуникации обеспечивается совокупностью неязыковых черт, символов, знаков, несущих определенную информацию в процессе общения. Невербальная коммуникация изучается такими дисциплинами, как:

- проксемика – это дисциплина о коммуникативном пространстве и том, как человек его использует. В проксемике выделяют несколько зон коммуникативного пространства, такие, как: интимная зона, личная зона, зона социальных отношений, публичная зона;
- такесика – это дисциплина, которая изучает контакты, осуществляемые посредством прикосновения. В такесике различают профессиональные, ритуальные, дружеские и любовные прикосновения;
- кинесика – это дисциплина, занимающаяся изучением невербальной коммуникации, осуществляемой с использованием движений тела. Мимика, жесты, позы и взгляды считаются элементами кинесики;
- сенсорика – дисциплина, изучающая чувственное восприятие собеседника, которое формируется на основании данных органов чувств;
- хроменика – дисциплина, которая изучает проблемы использования времени представителями разных культур. Различают культуры с монохромной и полихромной моделями времени [6, с. 197; 2, с. 75-81].

Межкультурная коммуникация может осуществляться на разных уровнях. Специалисты выделяют макро- и микроуровни межкультурной коммуникации. Осуществление межкультурной коммуникации между индивидами, группой и индивидом и между небольшими социальными группами называется межкультурной коммуникацией на микроуровне.

В межкультурной коммуникации на микроуровне выделяют межэтническую коммуникацию, контркультурную коммуникацию, коммуникацию между представителями разных социальных групп, коммуникацию между различными демографическими группами, коммуникацию между сельским и городским населением, региональной коммуникацию и коммуникацию в деловой культуре [3].

В эпоху глобализации активное развитие получает массовая коммуникация. Массовая коммуникация – это процесс распространения информации (знаний, духовных ценностей, моральных и правовых норм) с помощью технических средств (пресса, радио, телевидение и др.) на численно большие, рассредоточенные аудитории. Основные черты массовой коммуникации – это обладание техническими средствами, которые регулярно тиражируют информацию, социальная значимость транслируемой информации, массовость, анонимность и рассредоточенность субъектов коммуникации, многоканальность и вариативность средств коммуникации [1].

Появление массовой коммуникации произошло вследствие информационной революции. По мнению А. Ю. Хоца, информационная революция произошла во второй половине XX века и связана с научно-техническим прогрессом, созданием электронных средств передачи информации и изобретением микропроцессора [9]. Таким образом,

микроуровень межкультурной коммуникации в последнее время дополнился еще одним типом коммуникации.

Макроуровень межкультурной коммуникации в современной науке понимается как взаимодействие целостных культур. Исходя из этого, выделяют межкультурную коммуникацию на этническом, национальном и цивилизационном уровне [4, с. 8-9]. Основу межэтнической, межнациональной и межцивилизационной коммуникации составляет самоидентификация на уровне сообщества, нации и цивилизации. В условиях глобализации происходит трансформация идентификации вследствие трансформации государства, укрепления культурных связей и культурного взаимовлияния. Это приводит к таким явлениям, как кризис самоидентификации и культурный эклектизм, что в свою очередь оказывает существенное влияние на характер межкультурной коммуникации на макроуровне [8, с. 114; 10, с. 16-18]. В условиях глобализации межкультурная коммуникация на макро- и микроуровнях становится отражением закона иерархических компенсаций: гомогенизация на макроуровне способствует все большей дифференциации на микроуровне [5, с. 70].

Глобализация накладывает отпечаток на характер межкультурного взаимодействия и порождает не только новые типы коммуникации, но и новые проблемы. Во-первых, происходит небывалое в прежние эпохи усиление интенсивности контактов между индивидами, народами, культурами. Во-вторых, в связи с развитием общества появляются и распространяются новые социокультурные практики и субъекты коммуникации, такие, как международный туризм, трудовая миграция, виртуальные сети и сообщества, бизнес-коммуникации, студенческие обмены и т.п. В-третьих, отмечается обострение конфликтов и противоречий между разными культурными группами общества, связанных с непониманием специфических особенностей «чужой» культуры.

Все эти проблемы выдвигают в центр современного гуманитарного знания задачу разработки механизмов аккультурации и интеграции инокультурных групп в структуру общества, задачу формирования толерантности, межкультурной компетентности у принимающего населения. Также одной из главных задач межкультурной коммуникации становится поиск баланса между глобализацией и локализацией, что обеспечит успешное развитие национальных культур без изоляции их от общецивилизационных процессов и без утраты культурной самобытности.

Список литературы

1. Боголюбова, Н. М. Межкультурная коммуникация [Электронный ресурс]/ Н. М. Боголюбова. – М.: Юрайт, 2017. – Режим доступа: https://studme.org/90310/kulturologiya/formy_tipy_elementy_mezhkulturnoy_kommunikatsii (дата обращения: 07.05.2019).

2. Гузикова, М. О. Основы теории межкультурной коммуникации: учебное пособие / О. М. Гузикова, П. Ю. Фофанова. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2015. 126 с. ISBN 978-5-7996-1517-8.
3. Денисова, И. В. Типы межкультурной коммуникации [Электронный ресурс] / И. В. Денисова, А. П. Еременко // Материалы IV Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». – Новочеркасск: scienceforum.ru, Июнь 2012. – Режим доступа : <https://scienceforum.ru/2012/article/2012001603> (дата обращения: 01.04.2019).
4. Мухамеджанова, Н. М. Межкультурная коммуникация: учебное пособие / Н. М. Мухамеджанова. – Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2010. – 173 с. – ISBN 978-5-7410-1087-7.
5. Мухамеджанова, Н. М. Межкультурная коммуникация в условиях глобализации / Н. М. Мухамеджанова // Вестник ОГУ. – 2010. – №7. – С. 65-74
6. Садохин, А. П. Межкультурная коммуникация: учебное пособие / А. П. Садохин. – М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2004. – 288 с. – ISBN 5-98281-036-3.
7. Теория культуры: учебное пособие [Электронный ресурс] / под ред. С. Н. Иконниковой, В. П. Большакова. – СПб.: Питер, 2008. – Режим доступа: http://yanko.lib.ru/books/cultur/theory_cult-ilonnik-bolshakova-2008-a..htm (дата обращения: 03.04.2019).
8. Черникова, В. Е. Межэтническая коммуникация в контексте современного поликультурного пространства / В. Е. Черникова // Вестник Калмыцкого университета, 2014. – № 3. – с. 113-119.
9. Хоц А. Ю. Информационная революция и этнические аспекты культуры современного общества : автореф. дис. ... кандидата философских наук [Электронный ресурс]: 09.00.13.– Ставрополь, 2001.– 23 с. – Режим доступа: <http://www.dslib.net/religio-vedenie/informacionnaja-revoljucija-i-jetnicheskie-aspekty-kultury-sovremennogo-obwestva.html#3285172> (дата обращения: 08.05.2019).
10. Шрамкова, Н. Б. Сущность и специфика межкультурных взаимодействий в эпоху глобализации: автореф. дис. ... кандидата философских наук : 09.00.11. – М., 2009. – 20 с.

ПОСТМОДЕРНИЗМ КАК ДЕКОНСТРУКЦИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОСНОВАНИЙ КУЛЬТУРЫ

**Мухамеджанова Н.М., доктор культурологии, доцент
Оренбургский государственный университет**

Мировоззрение современной переходной эпохи в философской и культурологической литературе получает обобщающее название «постмодернизм». Постмодернизм – широкое культурное движение, возникшее в Европе в конце 70-х годов XX века в результате дискредитации базовых идеалов и ценностей модерна. В качестве идейных истоков постмодернизма называются, как правило, идеология «новых левых», в частности философов Франкфуртской школы (Г. Маркузе, Т. Адорно, М. Хоркхаймер и др.), идеи французских постструктуралистов, постфрейдистов (Ж. Деррида, Ж. Делез, Ф. Гаттари, Р. Барт), а также концепция иронизма итальянского семиотика У. Эко и др.

Однако, если углубляться в сущность данного культурного движения, то без преувеличения можно сказать, что предпосылки постмодерна возникают почти одновременно с самим модерном, о чем свидетельствует тот огромный пласт философской и культурологической литературы, которая посвящена критике западноевропейской культуры, форм ее рациональности и способов самореализации, начиная с Ж-Ж. Руссо и заканчивая трудами современных философов (А.С. Панарин), настаивающих на необходимости реабилитации важнейших ценностей модернистской эпохи [5, с. 206-223].

Поскольку постмодернизм возникает из пафоса критики основополагающих ценностей модерна, представляется целесообразным рассмотреть в сравнении эти две культурные эпохи. Каждая культурно-историческая эпоха уникальна и неповторима, и каждая из них по-своему отвечает на вопрос о том, что такое человек. В эпоху модерна человек понимается, прежде всего, как разум. Разум – главная причина антропологической избранности человека, его исключительных прав по отношению к природному универсуму. Гуманисты убеждены во всемогуществе человеческого разума, в его рефлексивной способности постижения основ мироздания и разумного устройства общества на основе достигнутого знания, в способности построения онтологической картины мира, задающей верные ориентиры жизнедеятельности человека и гарантирующей, таким образом, достижение «идеального общества».

Страстная вера в безграничные возможности человеческого разума, по силе своей не уступающая вере религиозной, порождает глобальный историцизм, выражающийся в построении универсальных схем развития и вытекающих из них утопических идеалов будущего. История мыслится как грандиозный проект, в котором каждый народ принимает посильное участие и достижение которого гарантировано объективными законами истории. Следствием подобных представлений является тотальная рационализация и

регламентация социальной жизни, стремление организовать ее в соответствии с определенными рациональными правилами, воплотить в жизнь законы истории и путем объединенных усилий народа достичь поставленных целей. Научное знание рассматривается не только как средство покорения природного универсума, но и как средство рационализации и морализации общества.

Однако трагические реалии истории XX века поставили под сомнение данные идеалы и ценности, а в конце века стройное, упорядоченное и рационально организованное здание культуры модерна начинает рушиться под влиянием процессов и противоречий, порождаемых самой системой. Постмодернизм возникает как порождение социокультурного кризиса, неудовлетворенности положением человека в современном обществе.

В культуре постмодернистской эпохи человек – это, прежде всего, тело. Почему только тело? Потому что Дух, Разум скомпрометировали себя возникновением множества проблем, которые явились неизбежными следствиями рационализма предшествующей эпохи. Именно Дух ответствен за разрушение природы и возникновение экологических проблем, угрожающих самому биологическому существованию человека. Именно Дух повинен в предельной рационализации и регламентации человеческой жизни, в разрушении целостности человеческого бытия и превращении человека в «думающую машину». Именно Дух создает утопические проекты «светлого будущего», «идеального общества», «коммунизма» и подчиняет человека внеличным целям. Нетерпеливый и непреклонный, Дух готов пожертвовать жизнью миллионов людей ради осуществления этих проектов, он равнодушен к судьбе рядового человека, который хочет быть счастлив здесь и теперь, а не в каком-либо отдаленном будущем.

Дискредитация Духа порождает в современной культуре пафос отрицания всех прежних авторитетов, ценностей, идеалов – всех метарассказов, которые ограничивают свободу человека и являются скрытыми орудиями подавления человека, технологиями господства. Любая объяснительная схема, идеология, теория подвергается в постмодернистской культуре разрушительной иронии и дискредитации. Любая целостность, в том числе и человек, подвергается демонтажу и деконструкции. Человек – это, прежде всего, тело – тело, которое, по З. Фрейду, подчинено принципу удовольствия и главным стремлением которого является стремление к снятию напряжения. «Живи для себя и наслаждайся жизнью» – становится жизненным кредо современного человека, потребление – смыслом жизни.

Пафос отрицания Духа порождает в культуре апологию настоящего, культ телесности и наслаждения, который пронизывает все сферы культуры. Утверждается своеобразный гедонистический прагматизм: признается правильным и разрешается все то, что полезно для тела. Все сферы и формы культуры постмодернистской эпохи призваны способствовать снятию напряжения и получению наслаждения. В основе взглядов прагматистов эпохи постмодерна – дарвинские представления о человеческих существах «как неких животных, которые стараются как можно лучше приспособиться к окружающей

среде, совладать с нею, стараются создать такие инструменты, которые бы позволяли испытывать как можно больше удовольствий и как можно меньше страданий» [9, с. 24]. Такими инструментами, созданными «умными животными», становятся искусство, наука, мораль и даже религия.

Современное искусство служит релаксации после напряженного трудового дня или средством сублимации агрессивных чувств, разрушающих психику человека. Если раньше искусство, по выражению Т. Адорно [1], было выражением *иного* – иного общества, иной культуры, иного человека, то теперь главным его назначением становится психотерапевтическая помощь человеку, обремененному грузом житейских проблем.

Наука разрабатывает различные способы сохранения и продления жизни тела и телесной красоты. И, как в свое время предполагали американские футурологи Д. Нэбитт и П. Эбурдин [6, с. 274-311], наукой XXI века становится биология (а вместе с ней медицина, психология и косметология). Современные биотехнологии – это не просто вмешательство человека в жизнь природы, это попытка изменить сами законы природы, повернуть вспять или хотя бы остановить биологическое время, разрушающие человеческое тело. Не только образование, но и наука получает статус легитимности через производительность [4, с. 16-124]. Отрасли знания, которые не могут служить получению немедленного прагматического результата, вытесняются на периферию науки.

Мораль становится все более «удобной» для человека, поскольку облегчает поиск компромиссов с собственной совестью: в современном мире нет единых ценностей, единых представлений о добре и зле, а следовательно, единственным критерием оценки моральности или аморальности поступка становится убежденность самого человека в правильности содеянного. Такая позиция, основанная на принципе моральной непогрешимости человека и культуры, делает бессмысленными всякие рассуждения о моральном прогрессе человечества, о нравственном развитии личности, делает бессмысленной всякую критику нетерпимого нравственного поведения.

В конце концов, даже религия теряет свою обязывающую силу: эклектическое совмещение, симбиоз догматов различных верований в религиозном сознании становится своеобразным «карманным набором» истин, используемых для решения различных жизненных проблем. И воскрешение Христа, и закон кармы, и кот, пробежавший через дорогу – все имеет одинаковое значение и все приспосабливается к конкретной ситуации конкретного индивида. Все направлено на создание нерепрессивной, игровой культуры, где под знаменем толерантности уживаются и примиряются самые непреодолимые противоречия и конфликты.

Однако главным проводником постмодернистской культуры в массовое сознание становятся средства массовой информации, во всех своих жанрах воспроизводящие тело: тело, разрушенное и залитое кровью; тело обнаженное и жаждущее наслаждения; тело, являющееся главным предметом внимания и заботы. Ухоженностью тела определяется достоинство человека («ведь я этого

достойна».) Визуальные образы телевидения и «глянцевой прессы» становятся своеобразными символами постмодернистской культуры.

Культ телесности и наслаждения проявляется в ориентации на немедленный результат и порождает быстротечный, временный характер культурных феноменов. В духовной сфере эротика, ориентированная на немедленное получение наслаждения, вытесняет любовь, предполагающую определенное духовное напряжение. Неустойчивые и временные виртуальные сообщества приходят на смену традиционным сообществам, основанным на единых целях, интересах и ценностях. Эгоистический гедонизм вытесняет добрые старые ценности – гражданский долг, родительский авторитет, христианское милосердие. Если прежде семья понималась как вечный союз, который создается на небесах и в котором каждый имеет не только права, но и определенные обязанности по отношению к другому, то теперь семья – это временный союз, распадающийся сразу же, как только он перестает приносить удовольствие. Если раньше брак был таинством, то сегодня проблемы пола и перипетии брака становятся предметом публичных обсуждений многомиллионной аудитории. Смещение смешного и серьезного, низкого и высокого, публичного и интимного приводит к тому, что все высокое профанируется и превращается в свою противоположность: «прежние добродетели становятся грехами, а прежние грехи становятся добродетелями» [3, с. 17].

Таким образом, вопреки утверждениям Л.А. Черной [10], современную социокультурную ситуацию можно охарактеризовать не как переход к культуре экзистенции (микрокосма), а возвращение к культуре тела. Не случайно П.Дж. Бьюкенен называет современный этап развития культуры, в которой оказались разрушенными и осмеянными все христианские ценности, постхристианской культурой, или новым язычеством [3, с. 74]. На месте «единого мира» с единой системой смыслов и значений, задаваемой христианской религией, возникает ценностный релятивизм, и вместе с ним множественность и конкуренция смысловых предпосылок и смысловых толкований.

Следует отметить, что описанные процессы самым негативным образом влияют на духовное состояние личности. Как известно, главной функцией ценностей является создание упорядоченной, стабильной, имеющей для человека значение картины мира. Именно ценности являются той матрицей, в которую «укладывается»: отбирается, иерархизируется, систематизируется – весь хаотичный поток впечатлений, поступающих в сознание личности из внешнего мира; они определяют, что важно и что неважно, что ценно и неценно, что значимо и что не очень. Отсутствие подобной «матрицы» порождает хаотизацию сознания личности, «утомленной» потоком разнообразной и беспорядочной информации. Не случайно «утомленность», «хаотичность», «энтропия» становятся главными метафорами, характеризующими культуру и сознание личности в постмодернистскую эпоху. Индивид, утративший веру в высокие ценности, вдохновляющую силу

идеальных представлений, потерявший опору для оценки жизни с общей точки зрения переживает ощущение смуты, растерянности и страха – ощущение абсурдности бытия.

Как подчеркивает З. Бауман, в интегрированном обществе создание стратегий трансцендентности является главным назначением культуры. Разрушение идеалов и ценностей коллективного характера приводит к тому, что человек остается наедине с задачей, которую самостоятельно решить он не может: «Не мощное давление идеала, не достижимого для современных мужчин и женщин, обрекает их на страдания, а отсутствие идеалов, недостаток подобных рецептов достойной жизни, ясно сформулированных и надежных ориентиров, четко определенной цели жизни ... не боязнь не приспособления, но неспособность приспособиться. Не ужас, вызываемый нарушением запретов, а террор полной свободы. Не требования, превышающие возможности личности, а беспорядочные действия в напрасных поисках надежного и непрерывного пути» [2, с. 55]. Разрушение коллективных стратегий трансцендентности порождает чувство бессилия, связанное с неспособностью человека действовать рационально, адекватно отвечая на возникающие проблемы.

Именно «тоска по трансцендентному», не утоляемая в современном обществе, является, по мнению большинства исследователей данной проблемы, причиной широкого распространения девиаций, в том числе наркомании и суицидов, преступлений против личности, роста конфликтов на этнической почве, стремительного увеличения числа людей, не удовлетворенных жизнью, не приемлющих свое личностное бытие по причине отрицания установившейся культуры и ее образцов. На связь этих социальных пороков с процессом разрушения ценностей указывали многие авторы, в том числе Э. Дюркгейм, Т. Роззак, В. Франкл, Э. Фромм и др.

Человек как существо, стремящееся к осмысленности своего бытия и в то же время поглощенное своими эгоистическими целями, развлечениями и обязанностями, постоянно испытывает вину за существование ниже своего подлинного уровня. Это чувство вины возникает из-за невозможности реализации важнейшей экзистенциальной потребности человека – «потребности развиваться за пределы ограничений времени, материи и смертности» [8, с. 208]. Таким образом, ценностный релятивизм, имеющий место в современном обществе, ведет к фрустрации экзистенциальных потребностей личности и, как следствие, к ее невротизации.

Общая система ценностей – основа позитивной коммуникации между людьми, придерживающихся если не одинаковых, то, по крайней мере, близких взглядов, представлений и принципов. Связь между людьми, возникающая на основе общей системы ценностей – условие стабильности общества, которое может функционировать только при наличии определенного духовного единства, создаваемого господствующими в данном обществе ценностями. Таковую функцию духовной интеграции общества в эпоху средневековья выполняли религиозные ценности, позднее – различные формы идеологии.

Крах идеологий, предлагающих эффективные средства рационального переустройства мира, и секуляризация духовной жизни обусловили то обстоятельство, что и идеология, и религия в современном мире уже не удовлетворяют потребности общества в метасоциальной интеграции. Общество, расколовшееся на уровне ценностей, нуждается в новых механизмах интеграции, новой основы для его воссоздания.

Поэтому нельзя не согласиться с мнением Г. Померанца, утверждающего, что человеческое общество не может существовать без какого-то минимума естественной, не предписанной законом солидарности. Но этот минимум солидарности от эпохи к эпохе не падает, а растет вместе с усложнением задач, стоящих перед обществом [7, с. 58]. Разрешение глобальных проблем современности, связанных с кризисом культуры и затрагивающих все человечество, делает чрезвычайно актуальным утверждение общечеловеческих ценностей, без которых невозможны ни диалог, ни плодотворное сотрудничество между народами. В условиях крайней нестабильности, характеризующей современную социокультурную ситуацию, именно общечеловеческие ценности являются залогом спасения всего человечества. Поэтому их безоговорочное отрицание не соответствует потребностям и запросам самой постмодернистской эпохи.

Список литературы

1. Адорно, Т.В. Избранное: Социология музыки / Т.А. Адорно. – М., СПб.: Университетская книга, 1998. – 445 с.
2. Бауман, З. Индивидуализированное общество / З. Бауман. – М.: Логос, 2002. – 390 с.
3. Бьюкенен, П. Дж. Смерть Запада / П. Бьюкенен. – М.: ООО «Изд-во АСТ»; СПб: Terra Fantastica, 2003. – 444 с.
4. Лиотар, Ж.Ф. Состояние постмодерна / Ж.Ф. Лиотар. – М.: «Алатейя», СПб, 1998. – 104 с.
5. Мухамеджанова, Н.М. Современные цивилизационные процессы: монография / Н.М. Мухамеджанова. – Оренбург: Экспресс-печать, 2015. – 276 с.
6. Нэсбитт, Д. Что нас ждет в 90-е годы. Мегатенденции: Год 2000. Десять направлений на 90-е годы / Д. Нэсбитт, П. Эбурдин. – М.: «Республика», 1992. – 415 с.
7. Померанц, Г.С. Опыт философии солидарности / Г.С. Померанц // Вопросы философии. – 1991. – №3. – С. 175-208.
8. Роззак, Т. Незавершенное животное. Форпост эпохи Водолея и эволюция сознания / Т. Роззак // Человек и общество: проблема человека на 18 Всемирном фил. конгрессе. Вып. 4. – М.: РАН, 1992. – С. 175-208.
9. Рорти, Р. Релятивизм: найденное и сделанное / Р. Рорти // Философский прагматизм Ричарда Рорти и российский контекст. – М.: «Традиция», 1997. – С. 11-44.

10. Черная, Л.А. Культурология: основы теории / Л.А. Черная. – М.: Логос, 2003. – 184 с.

КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОГО РЕГИОНА

Орлова Е.В., к. ф. н.

Оренбургский государственный университет

Все большее место в гуманитарных науках занимает проблема регионального пространства. Отдельное место в научных изысканиях сегодня отводится проблематике российских регионов, и специфике их развития в условиях модернизации и глобализации, протекающих в современном обществе. Изменение культурных границ и исчезновение культурной самобытности, как результат протекающих в современном обществе и культуре процессов, провоцирует научное сообщество смещать акценты и находить новые точки опоры для отслеживания культурных трансформаций. Именно такой точкой опоры сегодня становится регионализация как форма определения особенностей существования национальных, этнических культур в культурных региональных конфигурациях. Региональное пространство в этом случае может выступать «сложным «органическим» образованием, обособленным в самобытный социокультурный комплекс и занимающим особенное (единичное) положение в пространстве мировой культуры» [8]. «Рассматривая явление, современный исследователь опирается на универсальные характеристики целостности, единства, системы, культурного пространства-времени и реконструирует образ региона как специфически уникальной среды, обнаруживающей свои социокультурные и духовные потенциалы» [8].

Понимание регионального культурного пространства как единого территориального деления, наполненного для каждого жителя индивидуальными смыслами, мотивирует его на приобретение навыков и умений, выработку определенных качеств, приобретение знаний, которые будут востребованы в рамках успешного развития данного региона. В этом направлении, одним из значимых факторов стимуляции привлекательности региона, а также формирования комфортной социокультурной среды выступает активация творческих индустрий, способствующих повышению интеллектуального статуса жителей региона.

Реализация духовного потенциала региона, как считает авторитетный исследователь региональной культурологии И. Я. Мурзина, тесно связана с формированием положительной идентичности его жителей [5]. Динамика развития каждого конкретного региона зависит, как от ментальных особенностей исторически проживающих на данной территории этносов и этнических групп, так и от жизненных устремлений и ценностных установок конкретной личности, реализующейся на данной территории.

Встает вопрос о поиске адекватных современным условиям образовательных стратегий. В первую очередь это касается высшего образования, в рамках которого готовится основное количество профессиональных кадров в регионе. В рамках повышения интеллектуального

и духовного потенциала региона, пространство образования сегодня должно быть ориентировано с одной стороны на потребности, вызванные бурным развитием технологий и индустрии, с другой стороны, формирование положительной, комфортной атмосферы в рамках «малой родины» не возможно без опоры на традиционные ценности, исторически сложившиеся на данной территории. Образовательный процесс, таким образом, не может быть полностью реализован без включения в обучение социокультурного аспекта. Возникает необходимость расширения образовательного пространства региона за счет привлечения различных культурных компонентов и включения этих компонентов в учебный процесс. На первый план выходит проблема формирования культурно-образовательного пространства региона.

И.Я. Мурзина дает такое определение: «Культурно-образовательное пространство – сложно организованная реальность, в которой ключевыми компонентами выступают сферы культуры и образования, актуализирующие и транслирующие смыслы, созданные в процессе человеческой деятельности в регионе и определяющие идентичность жителей и их образ жизни» [4].

Разрабатывая концепцию культурно-образовательного пространства, автор отмечает: «В контексте идеи развития культурно-образовательного пространства открываются перспективы поиска форм, способных аккумулировать человеческий потенциал региона, поддерживать и стимулировать инновационную направленность развития территории, формировать продуктивную социокультурную среду, совместно использовать потенциал систем образования и культуры» [4]. Иными словами совмещение культурной и образовательной специфики в региональном измерении дает возможность в перспективе повышать качество образования с учетом интеллектуальных потребностей региона.

Проблема актуальна еще и потому, что в современных условиях специализированности профессиональной подготовки, сферы культуры и образования выступают отдельными ведомствами. К примеру, у студентов технических специальностей чаще всего отсутствует мотивация расширения своего культурного кругозора в силу того, что не сформировано представление о единстве социокультурной и профессиональной сфер жизни. Включение в образовательное пространство, таким образом, не предполагает идентификации с культурным пространством. Хотя именно в пространстве культуры региона происходит актуализация специфических видов деятельности за счет включения индивида в систему локальных правил, норм, ценностей, становление основных ментальных предпосылок, обусловивших включение ценностей в систему смысло-жизненных ориентиров.

Формирование культурного пространства региона и его специфических особенностей вытекает из множества условий. Это и природные, и географические факторы, и особенности этногенетических и этнических процессов, и плотность связей с другими территориями, и характер, который носят эти связи. Совокупность таких условий и определяют социокультурный регион как территорию, отличающуюся «стратификационным и национальным

составом населения, традициями, этнолингвистическими особенностями, элементами образа жизни и т.п.» [1, С. 105-106].

Культурно-образовательное пространство исторически оформляется в процессе освоения края в зависимости от миграционных процессов, протекающих на определенной территории и предопределивших этническое и культурное своеобразие региона. Отличительной особенностью «Оренбуржья» или «Оренбургского края» как условного обозначения части Южно-Уральского региона является то, что он «обладая «культурной срединностью» между западной и восточной, европейской и азиатской, аграрной и индустриальной и т.п. культурами, представляет собой уникальную социокультурную модель, воплотившую значительный спектр специфических черт, в той или иной мере присущих иным российским регионам»[3, С. 14].

Исторически пространство образования Оренбургского края начало формироваться задолго до появления на этих территориях профессиональных образовательных и культурных учреждений. Как отмечает Н.М.Мухамеджанова, развитие образовательного пространства на территории Южно-Уральского региона изначально происходило в рамках сильных религиозных традиций распространенных среди исламского сообщества региона. «Для исламских культур региона была характерна высокая ценность образования и учености, что нашло свое отражение в изречении: «Чернила ученого столь же достойны уважения, что и кровь мученика»»[6, С. 126]. Такое образование носило клирикальный, схоластический характер и мало способствовало развитию личности, однако поднимало авторитет духовного образования.

В дальнейшем развитие культурно-образовательного пространства протекало за счет универсализации социокультурных различий в образовании, коммуникации, печати. Национальная политика на территории Оренбуржья была направлена на интеграцию местных самобытных форм деятельности и нужд государства, на интеграцию «инородцев» в российскую культуру[7, С. 72]. Образование почти повсеместно приобрело светский характер, чему в дальнейшем способствовала индустриализация Оренбургского края.

Освоение целинных земель, добыча полезных ископаемых, разворачивающиеся на территории Оренбуржья в середине XX века полностью изменили социокультурный портрет региона и сместили культурные ориентиры. Образовательное пространство, повышая качество профессиональной подготовки (в это время открываются основные ВУЗы и средне-специальные учебные заведения в регионе) отодвигает культурный пласт на второй план. Культурное пространство в сознании жителей сужается до действующих учреждений культуры, которым в большинстве своем отводится развлекательная роль. В сознании жителей утверждается такой вид отношений, когда конфессиональная и этническая принадлежность связывается с индивидуальными или групповыми нормами, а вхождение в региональное сообщество определяет общегосударственную, в данном случае национальную идентичность. Данный вид отношений сохраняется до сих пор.

Многочисленные этносы и этнические группы, проживающие на территории Оренбургского края, определяют свою принадлежность к Российской цивилизации опосредованно, через привязанность к жизни в полиэтничном регионе, где им обеспечена возможность сохранения своей национальной самобытности.

Таким образом, опираясь на теоретические разработки, выполненные в работах И.Я. Мурзиной, в культурно-образовательном пространстве региона сегодня можно выделить несколько уровней:

1 уровень составляют многочисленные дифференцированные субъекты (различные этнические, конфессиональные, профессиональные, культурные сообщества);

2 уровень собственно региональный, выступающий как единое сообщество;

3 уровень – общероссийский, где субъектом выступает гражданское общество, в которое Оренбуржье входит как структурный компонент.

Как представляется, именно такая исследовательская модель позволяет наиболее детально и наглядно составить геокультурный портрет региона, и описать место его российской действительности.

Несмотря на все вышесказанное, системы культуры и образования в большинстве российских современных регионах до сих пор институционально почти не связаны. Что касается Оренбуржья, то нельзя сказать, что образовательная деятельность в учреждениях культуры сегодня отсутствует совсем. В Оренбурге и областных центрах действуют культурно-образовательные проекты на базе областных и местных музеев, театров, библиотек, объединяющие в себе информационно-познавательную, творчески-исследовательскую функции. Но реализация этих проектов действует в основном в рамках гуманитарных специальностей, и в основе своей не представлена широко для студентов других направлений и специальностей. Причем в последнее время в регионе наметилась тенденция сужения поля взаимодействия культуры и образования, из учебного процесса исключаются дисциплины социогуманитарного цикла. Ориентация на передачу практических, глубоко профессиональных знаний сводит к минимуму культурно-познавательную практику. А между тем быстрые трансформации культурного пространства, глобализация, модернизация, свойственные для современного общества, требуют от современного специалиста умения решать не только практические, профессиональные задачи, но и успешно сочетать профессиональные знания с социокультурной спецификой в различных ситуациях. Для этого студент должен, в первую очередь, знать историю, традиции, культуру собственного этноса, а в условиях полиэтничного и поликонфессионального региона ориентироваться в особенностях культуры народов, составляющих единство культурного пространства Оренбуржья, Южно-Уральского региона, России в целом.

Таким образом, можно утверждать, что формирование единого культурно-образовательного пространства Оренбуржья сегодня является одним

из значимых фактов успешного развития региона, повышения его духовного, интеллектуального потенциала. Все это ставит гуманитарное сообщество перед необходимостью концептуализации регионального культурно-образовательного пространства Оренбуржья с учетом специфики его исторического и культурного развития, разработки культурно-образовательных региональных программ с дальнейшим внедрением их в учебный процесс.

Список литературы

1. Аванесова, Г.А. Социокультурное развитие регионов: механизмы самоорганизации и региональная политика / Г.А. Аванесова, О.Н. Астафьева. – М.: Изд-во РАГС, 2004. – 314 с.
2. Гиндер, И.А. Региональная культура: к определению понятия / И.А. Гиндер // Макарьевские чтения: материалы девятой международной конференции (21-23 ноября 2010 года) / отв. ред. В.Г. Бабин. – Горно-Алтайск: Изд-во РИО ГАГУ, 2011. – С. 364-369.
3. Казакова, Г.М. Регион как субкультурный локус (на примере Южного Урала): автореф. дис.....докт. культурологии / Г.М. Казакова. – М., 2009. – 38 с.
4. Мурзина, И.Я. Концепция развития регионального культурно-образовательного пространства / И.Я. Мурзина // Человек в мире культуры. – №3. – 2013. – С. 3-14. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-razvitiya-regionalnogo-kulturno-obrazovatel'nogo-prostranstva> (дата обращения: 4.05.2019).
5. Мурзина, И.Я. Региональное культурно-образовательное пространство: структура, функции, социокультурный потенциал. Монография. / И.Я. Мурзина. – М.: Издательство Перо, 2014. – 197 с. Режим доступа: <http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/2154/1/mon00013.pdf> (дата обращения: 4.05.2019).
6. Мухамеджанова, Н.М. Особенности самоорганизации этнических культур России в условиях модернизационных преобразований / Н.М. Мухамеджанова. – Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2006. – 229 с.
7. Региональная культура как отражение цивилизационной специфики России / отв. ред. Н.М. Мухамеджанова. – Оренбург: ФГБОУ ВПО «ОГУ», 2013. – 124 с.
8. Южалина, Н.С. Проблема региона как социокультурного пространства / Н.С. Южалина // Психология человека. – 2006. Режим доступа <http://psibook.com/religion/problema-regiona-kak-sotsiokulturnogo-prostranstva.html> (дата обращения: 4.05.2019).

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В БИЗНЕС-ПРОЕКТАХ

Рубас Е.П., студентка
Скопинцева Т.Ю., к.ф.н. доцент
Оренбургский государственный университет

В современном мире невозможна культурная изоляция и жизнь вне контактов с представителями других стран и народов. Сложная система межкультурных коммуникаций предполагает активность субъектов и действующих в ней акторов. Неслучайность направленного действия, организованная деятельность, или проекты взаимодействия в современной культуре строятся на основе общей теории организации и управления, и теории и методологии организационно-управленческой деятельности. Но вырванные из контекста культуры - это действия на основе теорий, не опирающихся на глубокое знание собственной и иной культуры, не дающие должного результата. Этот фактор стал ключевым в создании современной теории межкультурной коммуникации, рожденной в сложных условиях, неэффективных межкультурных контактах, связанных с послевоенной экспансией товаров растущего американского производства за пределы Америки. Решение этой проблемы американские исследователи стали искать не в практиках организации торговых сделок, которые в культуре Европы были хорошо освоены и сохраняли рожденный на европейской почве «дух капитализма» [1], а в концепциях практиков исследующих культуры народов мира: лингвистов, фольклористов, антропологов, изучавших глубинную основу каждой локальной культуры и её сущностные смыслы.

Э. Холл, глава американской научной школы, в своем исследовании культур, вступающих в межкультурные коммуникации, в середине XX века обратил внимание на роль и содержание культурного контекста и её распространение во времени [2]. Западная культура в оценке Э. Холла рассматривается как культура высокого вербального смысла и незначительности культурного контекста. В его оценке она имеет прямой и открытый стиль общения, когда вещи называются своими именами, когда сразу дается оценка недосказанности, недостаточной компетентности или слабой информированности собеседника и открыто выражается недовольство [3]. Такая культура противопоставляется форме, в которой подлинный смысл скрыт за различными историческими напластованиями – ритуальными практиками, церемониями, значительностью невербальных компонентов.

Низкоконтекстуальная культура Англии и Америки в таком подходе может сопоставляться с противоположной ей российской культурой, имеющей высокий уровень контекстных структур. Применяя подход Э. Холла, мы можем анализировать доступные для вербального восприятия смыслы, высказанные американской элитой в современных межкультурных контактах и проектах, их прямую и не допускающую разнотолкования речь, обращенную современной российской культуре [4].

Вопреки концепции Э. Холла, в практике межкультурных контактов начала XXI столетия, российский обыватель может отметить мощную этноцентристскую и националистскую и высококонтекстуальную природу культуры американского (западного) типа. Представитель американской элиты и американский обыватель не видят в межкультурном контакте и обслуживаемом этим контактом проекте культурного шлейфа американских (западных) ценностей и смыслов [5]. Американские ценности это сущностная, базовая часть культуры. Мощь американской этно- и националистской позиции предписывает собственной культуре роль донора в процессе коммуникации, оставляя для партнера роль реципиента. Ценностная основа культуры западного типа определяет тип создаваемой ей коммуникации, и форму любого, рожденного на её почве, плана (бизнес-проекта).

Среди специфических элементов культуры западного типа можно выделить понятие знания как силы; действия человека – как демонстрацию его мощи (так рождены западные силовые формы спорта – бокса, борьбы; парадигмы американского героя). Русская (российская) культура – это система иных ценностей. В ней действует иной культурный герой. Демонстрация силы, достатка, богатства в её моделях и образах субъектов коммуникаций нежелательны. В тоже время на русской земле мягко принимается сама иная культурная форма. Так на российской почве не исчезла ни одна форма этничности – все её народы сохранили свою культурную специфику. В ситуации непереносимости иной культуры сохранялась собственная специфика. В сосуществовании с иными формами, в России рикошетом познавали свою собственную культуру и историю [6]. К сожалению, процесс осмысления этого межкультурного процесса происходит на уровне народного восприятия: и в прошлом, и в настоящем отсутствует строгий научный, рациональный дискурс в этом направлении, а на первом плане остается система восприятия культуры западного типа в качестве образца, определяющего перспективу проекта (в том числе и бизнес-проекта) развития социокультурной системы. При этом происходит её постоянная, насильственная (вводимая сверху) вестернизация.

Западный тип современной коммуникации – это жёсткость английского текста, строгость порядка слов, дисциплина, разделение труда и строго выстроенная роль индивида. Казалось бы, что в такой предельной организованности системы человек имеет все, ему лучше, чем субъекту действия в российской культуре, в которой слова и дело не так строго следуют друг за другом, а внутри системы допускается игра и умножение смыслов, а не их стройность и подчинение порядку. В органике культуры русского типа отсутствует жёсткость и строгость суждения, каждая позиция может рассматриваться с разных сторон. С одной стороны она связана с природой-космосом и включена в мир природы, с другой – с природой самого человека. Русский человек и крестьянин, и кочевник. Он архаичен, опирается на практики, заданные предками, на их основе строит свою жизнь. Он может мобилизовать все свои силы и выжить в условиях разрушения системы, но

также как и англичанин или американец, будет нацеливать свои действия на то, чтобы её восстановить. [6. С. 56-61]

Современная культура примеряет эти различия. Содержание и характер информации определяет коммуникативные действия и затрагивает все стороны жизни. Современный подход к пониманию информации предполагает включение в эту категорию всей полноты бытия. Как информативное содержание системы сегодня понимается мир предметов, оценки и суждений, позитивные и враждебные действия субъектов коммуникации и иные формы и принципы, существующие в культуре. Эпоха постмодерна предполагает особую роль информации, где сама культура понимается как коммуникация, а информация как её основное содержание. Любой предмет, действие или смысл при этом, принимает характер и свойства безликой информации.

В потоках информации предметный мир может утрачивать значения, заставляя доминировать запущенные средствами массовых коммуникаций информационные потоки: мифы и симулякры [7]. «Симулякрами и симуляцией» Ж. Бодрийяр описывает мир, в котором исчезает реальность и рождается её «гиперпроект». Эта гиперреальность определяется автором как «модель, реального без истока и реальности» [7. С. 34]. Ж. Бодрийяр выделил последовательные фазы представлений, сменявших друг друга в процессе исторического развития: уровень отражения действительности, уровень её маскировки и уровень её отсутствия, полного ухода от реального бытия. «...оно отражает глубинную реальность; оно маскирует и денатурирует глубинную реальность; оно маскирует отсутствие глубинной реальности; оно вообще не соотносится с какой бы то ни было реальностью: оно есть чистый симулякр» [7. С. 35].

В конечном итоге в информационном потоке специфическое содержание культуры обесценивается, обесмысливается. Все, что было отмечено в начале данных рассуждений как целеполагание, нацеленность на реализацию поставленной задачи, на осмысленное действие – исчезает. Человек выходит за пределы реальности – включается бесконечное, нереальное, выдуманное действие. План и проект такого информационного пузыря (симулякра) может обрести любую сущность – он всегда будет нейтрален по отношению к реалиям бытия. Субъекты такой межкультурной коммуникации не ограничены рамками собственной культуры и не принадлежат ни своей, ни иной культуре. Взаимодействие сословий, стратов, классов, демографических групп, характеризующее традиционные миры, сменяется сложным, виртуальным вариантом взаимодействия субъектов коммуникации порождающих симулякры. Особую роль при этом обретает предметный мир, прагматика предметности.

В отличие от этого, сущностные, ценностные характеристики традиционной культуры – родовые, видовые, классовые, типичные и уникальные позволяют выстраивать систему межкультурной коммуникации сохраняющую саму культуру. Каждый рожденный в ней проект при этом несет на себе свою собственную культурную специфику. Незнакомая организаторам

культурная форма, структура, получает негативную оценку – именно это отметил в своем исследовании Э.Холл. Этноцентризм при этом, является базовой характеристикой, а негативные оценки иных смыслов учитываются организатором коммуникации. Все эти характеристики задаются внутри каждой социокультурной системы. Направленность на результат определенный субъектом действия, работает на сохранение своей культуры.

Бизнес-проект, прагматичное действие, направленное на универсум, абстракцию – продажу саму по себе, прибыль, не имеющую культурных свойств, вроде бы существует вне культуры. Однако, результат всегда демонстрирует её разрушение. Принцип и проект будущего – не абстракция, он принадлежит культуре и тянет за собой шлейф своей специфики. В противном случае - это симулякр, вырванный из контекста культуры и, в лучшем случае, не разрушающий её.

Принципы, разработанные на основе современных западных теорий межкультурных коммуникаций, активно используются в избирательных компаниях, рекламных проектах, воспитательных системах и в управленческих практиках. Бизнес-проект при этом становится особым коммуникативным действием. При активной роли субъекта коммуникации и его владении собственными и иными культурными инструментами и механизмами, ему гарантирован результат. В противном случае он порождает симулякры. Эффективность проектирования и планирования перемен внутри культуры и в межкультурном пространстве возможна тогда, когда создана с учетом собственных культурных механизмов. В таком подходе познание собственной культуры, просвещение в самом широком смысле – это самый продуктивный проект в современной российской культуре.

Список литературы

1. Буркхардт, Я. Культура возрождения в Италии / Я. Буркхардт // Юристь. – М., 1996.
2. Hall, E. The silent language / E. Hall. - New York: Doubleday, 1959.
3. Садохин, А.П. Введение в теорию межкультурной коммуникации / А.П. Садохин. – М.: Высшая школа, 2005 — 310 с.
4. Грушевицкая, Т.Г. Основы межкультурной коммуникации: учебник для вузов / Т.Г. Грушевицкая, В.Д. Попков, А.П. Садохин / под ред. А.П. Садохина. –М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003.
5. Козлова, Н.Н. Кризис классических методологий и современная познавательная ситуация / Н.Н. Козлова, Н.М. Смирнова // Социологические исследования. – 1995. – № 11. – С. 12-22.
6. Гачев, Г. Ментальности народов мира / Г. Гачев. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2008. – 544с.
7. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр // Философия эпохи постмодерна. — Минск, 1996.

ПРОБЛЕМЫ НАСЛЕДОВАНИЯ НАСЛЕДИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Скопинцева Т. Ю., к. ф. н., доцент
Оренбургский государственный университет

Наследование наследия – особая тема в теории и практике культурологии. В культурах традиционного типа историко-культурное знание передается без утрат, с необходимой для сохранения народной традиции стратификацией определяющей объем и систему подачи содержания. В современной культуре знание формирующее принадлежность к собственной культурной традиции побеждается экономической, политической, религиозной формой разрушающей традиционную культурную идентичность. Однако тема сохранения культурной истории регулярно воспроизводилась в государственных планах и проектах, тогда как в реальной практике реализуются культурные смыслы и формы западного типа. Такое заимствование не случайно. С XVIII века сопоставление западной и российской форм происходило на базе культуры русского дворянства «петровского типа». *Своя*, российская культура для русского дворянства оставалась на *глубинном* уровне, а формы и принципы чужой (иной, западной) были образцом *должного* (правильного, достойного для воспроизведения) поведения и действия. Культура дворянства обрела при этом сложную, барочную структуру в которой выразилось причудливость европейского барокко в *русском* варианте [2, с. 79-107]. Необходимость следования нормам и принципам русской традиции сохранялась в культуре крестьянства. Исторически – это основная масса населения России на протяжении всей её истории. Необычайно малая доля культуры дворянства и городского населения противостояла базовой для России крестьянской¹ культуры. Эта диспропорция реализовалась в специфической, *неравновесной* культурной форме. Дисбаланс ценностей (крестьянства-дворянства) послужил оформлению особой архитектоники. Дисгармония неравнозначных элементов порождала действия элиты направленные на поддержание устойчивого состояния всей социокультурной системы. Это реализовалось в постоянных заимствованиях, необходимых для сохранения относительного равновесия элементов и механизмов² западного типа. Мир предметов окружающих человека в культуре городского типа, наполнялся западными формами, тогда как сущностное её содержание оставалась на уровне традиционных духовных практик и поведенческих структур. В этой сложной структуре сохранялись

---

¹ 1.28% – дворянская культура, около 8% – клир; около 10% – городское население всех разрядов, крестьянская культура – около 80%. – таков состав населения на начало XX века. При изменении ландшафта культуры, ценностное соотношение достаточно устойчиво – оно имеет крестьянскую основу для основной массы населения.

² Традиционализм и устойчивость крестьянской культуры не нуждались в западных механизмах и активно сопротивляясь нововведениям дворянства, но в культуре русского города складывалась особая интеграция, коллажи, химерические варианты и сложный синтез европейской и русской форм, выразившейся в имперской культуре XIX века или в культуре русской интеллигенции советского и постсоветского типа.

базовые ценности крестьянского типа на протяжении всей русской истории. На неофициальном уровне они постоянно заявляли о себе в виртуальных формах, в образах, метафорах «Матери Сырой Земли», «Святой Руси», «Беловодья» или «Русского мира». Зыбкий баланс такого неустойчивого культурного конструкта существующего в западно-восточном пограничье, формировал человека постоянно готового к защите своей земли, дома, семьи от нападений с Запада или Востока [3, с.70-86].

Внутренняя дисгармония системы и пограничная специфика культуры породили особый тип земледельца-кочевника-воина, способный и стоять за плугом, и противостоять врагу. На уровне элиты он был ориентированный на взаимодействие с Западом, а по своей крестьянской природе, противостоял ему. На этой основе складывалась социальная *плоть* российской культуры. Этот сложный и в значительной мере неустойчивый социокультурный конструкт сохраняется и в XXI столетии. Базовыми элементами для основной массы населения продолжают оставаться ценности культуры крестьянского типа [3, с. 97-106]. Сущностные элементы культуры народов исторически соседствующих с русским крестьянством и вошедших в состав современного населения России в разной мере, в исторически определенных пропорциях, наполнили российскую культуру XXI столетия. При этом государственная организация, как регулятор системы, организующий и гармонизирующий взаимодействие её слоев и механизмов, приобрел решающую роль.

Народные традиционные основания постоянно возрождались и возрождаются в периоды *кризисов*. Обращение к народным традициям помогает культуре выстоять и сохраниться. С учетом этого, государственная организация российского типа в своих модернизационных проектах должна соответствовать сложной традиционной органике сложившейся в русской истории. Особая роль в процессах сохранения и обновления русской (российской) культуры исторически принадлежит православию. Если в восточных типах культуры соседствующих с Россией, обновление системы всегда носит религиозный оттенок (так как исторически процесс этнообразования и культурных трансформаций на среднем Востоке совпал с процессом цивилизационного становления, и освоения религиозной «супер-идеи»), то в культуре русского типа этого не произошло. Православие было органично связано с язычеством, укоренённым в повседневных практиках. Складывающаяся на этой основе религиозность русского типа сохраняет эту традиционную основу и закладывает базу для дивергентного процесса (оформления двух разнонаправленных векторов: вариантов народных верований насыщенных язычеством с одной стороны и ортодоксальных форм русской религиозности с другой). Сложные процессы в русской религиозной культуре Г. Федотов характеризует как «трагедию русской святости» [4]. Архитектоника русской культуры и сегодня не утрачивает эту предельную сложность и неравновесность. Её становление и развитие сегодня основывается на достаточно свободном функционировании самых ранних культурных механизмов (симбиоза и кумуляции). На них строится система взаимодействия

народов России и их культур. В Оренбургской области до начала XXI века сохранились чувашские поселения с языческими верованиями; население современной России на вопрос к культуре какого народа они себя относят, всегда отмечают собственную этничность, а в русских селах отмечаются субварианты (куряне, тамбова, пензяки, сибиря).

Основными ценностными элементами, пробуждающимися в духовной жизни россиян в XXI веке стали события, факторы, компоненты советского прошлого построенного на традиционной основе. Советская культура формировала не противоречащие традиционности формы поведения, идеи и чувства. А.В. Бабаева отмечает три периода демонстрирующие отношение к традиционным ядерным ценностям русской культуры в постсоветской России. В 1993-1996гг. выявляется устойчивость отношения россиян к традициям советского типа вобравших ценностные основания русской культуры. В 1996-1999 гг. размываются эти духовные координаты, а сам процесс сопровождается кризисом нравственности. Одновременно с этим, происходит прагматизация культуры, ценности сугубо материального характера начинают задавать новый тип представлений россиян, не свойственный традиционному русскому и российскому мировидению. Но с 2000 года ситуация возвращается к исходному положению, традиционные ценности вновь начинают играть ведущую роль. К 2004 году в социологических исследованиях, на которые ссылается автор, отмечалось восстановление ценностной системы советского типа и обращение к традиционным основаниям. В 2007 году эта тенденция обрела устойчиво необратимый характер. Такой анализ заставляет исследователя обратиться к изучению традиционных оснований русской и российской культуры позволившей пережить период деструкции системы, когда российская элита в перестроечном проекте работала на разрушение российских реалий. При этом, сохраненная на уровне повседневности фрагментарность народной традиции, позволила сохранить целостность страны.

Сложность культуры русского и российского типа ставит особые задачи перед воспитателем и педагогом. Преподавание и воспитание на этой основе должно строиться на глубоком знании российской культурной специфики и уважения к культуре сельского типа. Носители этой культуры – старожилы сел и станиц Оренбуржья, должны занять должное место в сохранении и репрезентации традиционной истории и культуры. Их облик не похож на образы современных учителей и проповедников, но их надо принять и научиться чтить. Истории, написанные фольклористами и этнографами, должны быть доступны и ученику школы и студенту. Рассказы стариков – это зримая иллюстрация русской и российской истории. В них демонстрируется глубокое уважение к культуре предков, трогательное смирение и выдержка в преодолении жизненных проблем. *Лаковым* образам прошлого из книжек с картинками, и действиям американских «хороших парней» из современной масс-медиа продукции, должны противостоять народные образы, красота культурных диалектов и социолектов, раскрывающих и глубину, и многообразие традиций нашей страны.

Рассказы старожилых русских сел свидетельствуют о выживании в сложных условиях далекого от европейской цивилизации русского села. Проблемы не *убивали* радость жизни: «Раньше затируху поели – и поём. Песни пели дома и в компании, гуляли с песнями. Раньше вечерами бабы сидят во дворах, сидят и поют. Раньше пели – хорошо было, а сейчас что – только в стакан и смотрят! Да. Я правду говорю. Раньше на работу бывало, поехали – с песнями! Приехали – на обед затируху поели – кушать нечего было – и то с песнями! Раньше весело жили. А теперь нет!»³ Это простодушие и стойкость к преодолению проблем незнакома современной городской молодежи, а возможность обратиться к своей устной истории и почувствовать её, для них отсутствует.

Для ряда современных социальных задач и для выполнения необходимых социальных функций на уровне государства сегодня создаются специальные службы. В противовес такому подходу, сохранение духовной составляющей народной культуры угасающего русского села фиксируется лишь в своей фасадной, развлекательной части. Для сохранения традиционной основы культуры требуется специализированная работа, которая должна действовать во всей мощи современной культурной оснастки (наличием видео, аудио техники, специальной обработки традиционного материала, возможностей его массового тиражирования, а также, точного выхода и на хранителей традиции и на её молодых интерпретаторов). Если современная эстрадная, досуговая и развлекательная культура на основе народных форм широко тиражируется, то русские традиционные тексты подчас недоступны и для специалиста и для обывателя. Культура, собравшая вокруг себя народы России, не становится предметом сохранения на региональном и местном уровне. В этом контексте тема православия также не обретает должной просветительской оснастки, являясь сегодня подчас, единственным основанием для сохранения русской народной традиции. Народные формы культуры в их полноте, плохо знают и молодые россияне, и их учителя.

Эти гуманитарные проблемы в условиях современного духовного кризиса обретают общероссийский масштаб. Они многократно превосходят тяготы быта современного города и села и связаны с сохранением русской и российской культуры в целом. Для городского типа культуры сохранение культурного наследия требует обеспеченности современными специализированными формами и институциями (профессионально оснащенными центрами, фондами, библиотеками, фонотеками, видеотеками). Подобные региональные социокультурные институции должны прийти на смену угасающей устной памяти. В оренбургском регионе их никогда не было, нет и сегодня. Культурные функции хранения устной традиции возлагаются на общественные и досуговые, в большей степени, коммерческие организации. Не учитывается, что их силы и средства не ориентированы на решение подобных задач. При этом необходимо учитывать, что традиционная культура,

---

³ Запись сделана в с. Алексеевка Сорочинского р-на Оренбургской области 21.01.1998г. от Яковлевой Марии Алексеевны 1914 года рождения.

сохраняемая в аутентичных коллективах, не остается неизменной: умирают старые исполнители, молодые включают свои, новые тексты, смыслы, ритмы. Забывается старая форма, мелодия, пластика... Этому активно способствует современная самостоятельная и профессиональная культура песни, танца, живого слова. Параллельно с этим процессом уходит в прошлое и сама русская деревня.

Экспедиция в Александровский район Оренбургской области, прошедшая в июле 2013 показала опустевшие дома, закрытые фермы, разрушенные клубы. Экспедиции 2017-2019 гг. в села Оренбургской области⁴, показывают, что процесс разрушения села продолжается. Разительным контрастом выглядит картина в соседней Башкирии или Киргизии (где не исчезли кошары, укрепились сельские поселения). Это происходит потому, что современные модераторы культуры не знают что все компоненты культуры в имперской, а впоследствии и в советской России, строились на основе русской основы, на её ключевых механизмах. На базе этих элементов выстраивалась универсализация и цивилизация культур народов России. В советский период это было достоинством и позитивным приобретением. В постсоветском культурном пространстве все эти наработки приобрели негативный тон, и разрешились в идее «русского мира».

Особая роль в процессе сохранения народной традиции принадлежит массовым формам культуры. Их аффектную сторону хранит народный праздник, который достоин сохранения и реконструкции. В отличие от современного праздничного действа, традиционный праздник характеризуется сложностью формы. Его структуру во времени можно представить как несколько следующих друг за другом этапов. Первый – подготовка самого обрядового действа, распределение ролей, оформление атрибутов. На этом этапе ритмика и напевы, пластика и одежда участников, как правило, соответствуют обыденной практике. Второй этап – собственно сакральная часть праздника, и репрезентация его в сакральной, смысло-образной форме. (В каждом селе она имеет специфическую структуру). Третий этап обрядового действия – это завершение сакральной части обряда и включение плясовых (профанных) ритмов и смыслов. Такая структура выявляется в обрядовых шествиях, бытовавших ещё в восьмидесятых годах прошлого века в русских селах Оренбуржья. В селе Шулаевка, Курманаевского района – в обряде «с венком ходить»; в селе Никольское Оренбургского р-на, в шествиях-хороводах на праздник Покрова. Хороводное действе села Русский Кандыз Северного района – это красочное шествие «ширманок»⁵.

---

⁴ Борщевская А.В., Посадская И.П., Савельева Н.М., Скопинцева Т.Ю. (Экспедиции 1991, 1993, 1997, 2004, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019 гг.)

⁵ Русский Кандыз Северного р-на, бывшая Кандызская слобода. Село имеет интересную историю. Когда-то все дома села смотрели «лицом» на реку – так строили дома в старину в Новгороде Великом. Старики рассказывали, что перестроили все дома после большого пожара, когда сгорело почти все село. В селе существует поверье, что после взятия Казани село заселяли стрельцы.

Село Северного района Русский Кандыз (бывшая Кандызская слобода), имеет богатую историю. Когда-то все дома села были построены «лицом на реку», смотрели «лицом» на воду – так строили избы в древнем Новгороде, откуда и прибыли первопоселенцы в Кандыз. К троиче и святкам в этом селе приурочена традиция

В современной трансляции праздничной культуры эта структура может быть представлена: во-первых – как государственная и общественная подготовка; во-вторых – как глубокая исследовательская и режиссёрская практика; в третьих – как социально-воспитательная работа на всех уровнях.

В отличие от традиционного праздника современной городской культуре соединяются масс-медиа формы и коллаж различных элементов праздничной культуры всех народов России. Такие межкультурные действия требуют особой воспитательной и разъяснительной работы. В связи с этим, встает проблема восприятия не только своего мира, но и окружающих, иных культурных миров и возрастает роль просвещения. Без знания собственной традиции, поведение молодого человека может характеризоваться нейтральностью по отношению к собственной культуре, или её неприятием. В таком подходе сложно воспитать и патриота и гражданина, но легко выработать маргинальную идентичность. Мы должны спасти культуру, спасая собственную традицию, тогда можно говорить о будущем России.

Список литературы

1. Бабаева, А.В. Роль междисциплинарных исследований в изучении проблем повседневности / А.В. Баева // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. К 80-летию профессора М.С. Кагана: материалы междунар. научной конференции. 18 мая 2001 г. Санкт-Петербург. Серия «Symposium». Выпуск №12. – СПб.: Изд-во СПб. фил. об-ва, 2001. – С. 177-178.
2. Кондаков, И.В. Культурология: история культуры России: курс лекций / И.В. Кондаков. – М.: ИКФ Омега-Л, Высш. шк., 2003. – 616 с.
3. Скопинцева, Т.Ю. Народная традиция как элемент культуры [Электронный ресурс]: монография / Т. Ю. Скопинцева. – Оренбург: ОГУ, 2018. – 201 с.

«ширманки водить». «Ширманка» из Русского Кандыза Северного района – это девушка, наряженная в три сарафана – один короче другого. «Ширманка» накрывалась красивой шалью, головной убор украшала лентами. Для этого ленты особым образом нашивались на косынку. Очелье платка на голове «ширманки» украшали лентой собранной «рюшью». С затылка ленты пришитые к косынке свисали ниже пояса, в петельки сережек также вдевали ленты, завязанные бантом. На шею «ширманка» надевала все бусы, которые удавалось девушкам собрать у знакомых женщин (и во времена активного функционирования этого обряда бус было не слишком много!). Руки девушек украшались кольцами, на ногах были ботиночки. «Ширманку» сопровождали другие ряженые: молодец и молодлица, цыган и цыганка. Молодлица – это девушка одетая в женский (бабий) костюм, в юбку, фартук, платок. Рядом с ней молодец – девушка, в мужских штиблетах или сапогах, штанах, рубаше и мужской шапке или фуражке (в шапку была заправлена коса). Вся группа исполнительниц обряда называлась «ширманками» или «ширманки водить», «ширманкой» звали особым образом ряженую девушку, которая шла впереди группы. К группе «ширманок» в святки могли присоединиться и другие ряженые, среди которых обязательно была «барышня», раздетая *посмешнее* девушка: в шляпе, бантах, бусах... Дети и подростки менялись одеждой, или причудливо сочетали надетые на них вещи, наряжались в цыган, а чтобы стать неузнаваемыми мазались сажей или белились мелом. «Ширманками» девушки наряжались с третьего дня святок. Группа «ширманок» шла от «избенок» где собирались подруги на посиделки, до центра села, куда подходили девушки со всех посиделок, каждая группа вела свою «ширманку». Зимой все шли в самую большую избу. Летом оставались на улице. Собравшись вместе, девушки выстраивались большим общим кругом и «каравод водили». Ряженые «ширманками» вставали в центр круга, остальные выстраивались по кругу парами. В парах одна из девушек «вела», другая «плясала».

4. Федотов, Г.П. Собрание соч. в 12т. Т.8 / Г.П. Федотов // Святыя Древней Руси. – М.: Мартис. 2000. – 268 с. – URL: <https://azbyka.ru/otechnik/books/original/12138-Святыя-Древней-Руси.pdf> (дата обращения: 10.05.2019).

ЧТО ТАКОЕ ПАРАНАУКА?

Урмантаева А.С., студентка
Оренбургский государственный университет

Анализируя литературу, посвященную вопросу о паранаучных концепциях, мы столкнулись с проблемой отсутствия единого подхода к объяснению феномена паранауки как такового. В рамках каждого исследования, посвященного данному феномену, принимается своя, установленная автором терминология, которой он оперирует в рамках своей научной работы. Единого, объективного понимания понятия «паранаука» на данный момент нет.

Этимологически понятие «паранаука» (образовано от греческого слова: *παρά* — везде, около, вне), псевдонаука (от греч. *ψευδής* — «ложный» + наука и квазинаука (от лат. *quasi*- «якобы, как будто») имеют один и тот же смысл. Но в процессе изучения многообразия паранаучных явлений большинство авторов всё же разграничивают эти понятия.

В связи с этим, в данной статье мы предпримем попытку приблизиться к определению таких понятий, как паранаука, лженаука, околонука, квазинаука, псевдонаука. Также мы попытаемся установить, в какой взаимосвязи эти понятия находятся друг с другом и не связаны ли некоторые из них родовидовыми отношениями.

Ниже мы рассмотрим определения и соотношения интересующих нас терминов, представленные следующими авторами: А.А. Андреевым [1], Д.В. Головиным [2] и М.А. Казаковым [3]. Работы этих авторов анализируют феномен паранауки с разных аспектов, это позволит нам избежать узкого, ограниченного понимания понятия паранауки, а также наиболее точно выявить ее специфику.

Андреев А.А. разделяет все изученные определения паранауки на два типа. К первому он относит наиболее широкие. Авторы, придерживающиеся данного подхода, стремятся охватить понятием «паранаука» как можно больше феноменов и явлений, начиная от феноменов природы и космоса и заканчивая предположениями о манипуляции сознанием. Ко второму типу А.А. Андреев относит «определения с наименьшим смысловым объёмом, в которых авторы ограничиваются минимальным количеством критериев или факторов» [1]. Очевидно, что оба типа определений страдают недостатками. В первом случае негативным следствием является терминологическая избыточность, а во втором случае имеет место узкое и однобокое понимание понятия «паранаука», а также характеристика его в негативном или отрицательном ключе.

Стремясь преодолеть недостатки имеющихся определений, А.А. Андреев формулирует своё, авторское: «Паранаука определяется как совокупность учений, находящихся за границами науки, обладающих самостоятельностью, но использующих научный язык для обоснования своих идей» [1]. На наш взгляд, такое понимание паранауки можно также упрекнуть в излишней

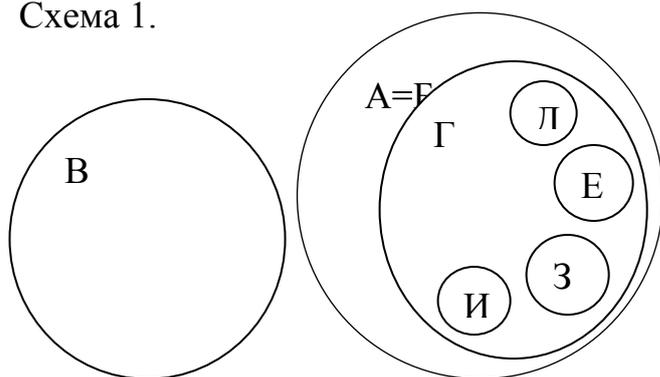
широте, поскольку выражение «за границами науки» подразумевает под собой вопрос о демаркации научного и ненаучного знания, в котором четкие критерии назвать сложно. Также остается неясным вопрос о границах самостоятельности того или иного паранаучного образования, то есть какие именно паранаучные теории мы можем причислить к самостоятельным, а какие нет? И можно ли назвать их самостоятельными, если они используют научный язык, то есть в какой-то степени паразитируют на науке?

Интересную с нашей точки зрения позицию относительно паранауки предлагает Д.В. Головин. Он дает следующее определение: «Паранаука — это ансамбль существующих в качестве постоянного контекста развивающейся науки знаний и практик...» [2]. Важной характеристикой паранаучных практик автор считает:

- а) конкуренцию с наукой и претензию на социальное признание;
- б) противоречие идеалам науки;
- в) мотивация такого знания происходит с позиций ценностных ориентаций, нежели когнитивных.

Отметим, что автор допускает возможность отождествления понятия «паранаука» (А) с понятием «околонаука» (Б), но исключает отождествление с понятиями «вненаука» (В) и «ненаука» (Г). Причиной невозможности допущения синонимии данных понятий служит семантическое различие. Вненаучные феномены, по мнению автора, не преследуют цели достичь статуса научности. Ненаучные феномены автор квалифицирует как формы паранауки; следовательно, понятия «квазинаука» (Д), «псевдонаука» (Е), «лженаука» (З), «антинаука» (И) выступают в качестве видовых относительно понятия «паранаука». Изобразим с помощью кругов Эйлера отношения между вышеперечисленными понятиями.

Схема 1.

Последовательный и обстоятельный анализ понятия «псевдонаука» мы нашли в работе М.А. Казакова, который в своем понимании данного феномена восходит к методологии исследования превращенных форм К. Маркса.

К. Маркс вводит понятие «форма превращенная» для исследования структуры и механизмов функционирования сложных систем. Отношения,

сложившие внутри сложной системы, не всегда являются в подлинном виде и зачастую выдают за своё истинное бытие лишь видимую форму. Для того чтобы выяснить прямую взаимосвязь между событиями и явлениями, необходимо исследовать их превращенные формы. Что и проделал в своей работе М.А. Казаков. В исследовании он утверждает, что форма существования псевдонауки — ничто иное как «продукт превращения внутренних связей такой сложной системы, какой является наука» [3].

Исходя из вышеизложенного автор формулирует следующее понятие псевдонауки: «псевдонаука — это превращенная форма научного знания» [3].

У превращенной формы научного знания (Д) автор фиксирует четыре основных подвида:

А) паранауки (решение научной или ненаучной проблемы происходит с применением «нетрадиционных» способов);

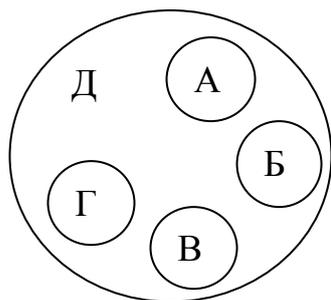
Б) квазинауки (представляют собой «имитацию научной деятельности» [3]. Автор подчеркивает, что в таких работах либо исследуется несуществующий для науки вопрос, либо исследование не имеет научной новизны);

В) лженаучные дисциплины (преследуют цель заслонить научное знание собственными идеями. Главной характерной чертой этих дисциплин является «резкое неприятие онтологии науки — научного понимания человека, социальной и физической реальности, научной картины мира в том виде, в котором она существует в тот или иной момент истории науки» [3]);

Г) антинауки (в понимании автора это ряд идей, социальных инициатив и практик, направленных на дискредитацию науки и научного сообщества).

Изобразим с помощью кругов Эйлера предложенную автором классификацию терминов:

Схема 2

В качестве компонента, способного существовать самостоятельно или может быть включено в один из основных подвидов псевдонауки, автор выделяет феномен научных фальсификаций, под которым понимается имитация научного факта посредством его намеренного подделывания.

Учитывая, что автор вводит данное определение и классификацию паранаучных явлений с оговоркой, что оно предназначено для использования только в рамках философии науки, нам оно представляется вполне исчерпывающим. Однако такой подход можно отнести ко второму типу

определений, которые А.А. Андреев упрекал в узком и однобоком понимании термина, а также в негативной характеристике, которую мы можем наблюдать в завершении исследовательской работы М.А. Казакова, в котором он пишет, что псевдонаука искажает мировоззрение людей.

Подводя итог вышеизложенному, мы можем заметить, что в двух из предложенных вариантов выделяется одно собирательное понятие, под которое в дальнейшем «подгоняются» остальные, но эти понятия разные. Возникает вопрос, в каком отношении находятся паранаука и псевдонаука?

На наш взгляд, «паранауку», «псевдонауку» и «околонауку» можно понимать как тождественные явления, характеризующие собой совокупность способов производства знания, опирающихся в своей основе на научное, но не соответствующих ему по целям, объекту, методам, способам исследования, а также сознательно или неосознанно преследующих цель заменить собой науку. Разумеется, такое понимание этих терминов не является исчерпывающим и нуждается в доработке.

Список литературы

1. Андреев, А.А. Паранаука: Основание, место и роль в современной культуре. — Томск: Изд-во Томского государственного ун-та, 2018.
2. Головин Д.В. Паранаука: социокультурные основания и функции: авторефер. дис. канд. философ. наук. Иваново, 2012. [Электронный ресурс] / Д.В. Головин. — Иваново, 2012. — Режим доступа: <http://old.ivanovo.ac.ru/jdownloads/dissov/avtoreferat/avtoreferaty-2012/golovin.pdf> (дата обращения 12.05.2019)
3. Казаков, М.А. Псевдонаука как превращенная форма научного знания: теоретический анализ // Философия науки и техники. — 2016. — № 2. — С. 130-148.
4. Лешкевич, Т.Г. Философия науки: традиции и новации: учебное пособие для вузов. — М.: «Издательство ПРИОР», 2001. — 428 с.
5. Философская энциклопедия в 5-х т. / под ред. Ф.В. Константинова. — М.: Советская энциклопедия, 1960-1970.

«ДНЕВНИК» Т.Г. ШЕВЧЕНКО В КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ И ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ⁶

Хмелевский М.С., к.ф.н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет,
Савченко А.В., к.ф.н., ассистент-профессор
Государственный университет Чжэнчжи (Тайвань)

Одной из значимых личностей, связанных с Оренбургским краем, был и остается величайший украинский поэт, прозаик, художник и мыслитель Т.Г. Шевченко, гордость и духовный «прародитель» украинского национального и культурного самосознания, которого на его родине с любовью и почтением называют *Неньо* – т.е. «отец».

В 1847 г. Т.Г. Шевченко был отправлен в ссылку в Оренбургскую губернию, и о своем первом впечатлении о встрече с городом он пишет: «Солнце только что закатилось, когда я переправился через Сакмару, и первое, что я увидел вдали, это было еще розового цвета огромное здание с мечетью и прекрасным минаретом. Это здание, недавно воздвигнутое по рисунку А. Брюллова, называется здесь Караван-Сарай. Проехавши Караван-Сарай, мне открылся город... и неуклюжие сакмарские ворота, в которые я и въехал в Оренбург» [1].

Исторические факты пребывания в ссылке Т.Г. Шевченко описаны довольно подробно, поэтому здесь мы бы хотели подойти к этой теме несколько с иного, мало освещенного в современной науке ракурса, а именно – исключительно с филологической точки зрения.

Феномен гения Т.Г. Шевченко до сих пор остается загадкой для многих, кто занимается его биографией и творчеством, как среди украинских, так и российских ученых (в основном, советского периода), которые в силу разных, зачастую чисто идеологических причин довольно предвзято трактуют его личность и творчество [2]. Мы же в своем анализе будем придерживаться исключительно филологического подхода, что, априорно обеспечит бóльшую степень объективности, а сам анализ будет лишен какого-либо пропагандистского и идеологического налета.

Прежде всего, необходимо обратить особое внимание на такой весьма значимый факт, как русскоязычие величайшего украинского поэта, который, тем не менее, внес значительный вклад в создание и кодификацию современного литературного украинского языка.

Поясним суть нашего высказывания. Феномен и загадка личности и творчества Т.Г. Шевченко состоит в том, что богатейшая поэтическая часть его произведений создана на украинском языке, тогда как не менее богатая по

---

⁶ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект «Проведение социолингвистических исследований городского диалекта Киева: языковая многокодность и киевское русскоязычие на фоне русско-украинского билингвизма» (№ 19-012-00613 А).

своему содержанию и языковому воплощению проза была написана им на русском языке.

Таким образом, можно сделать логический вывод о том, что для Шевченко украинский язык был языком поэзии, фольклора и песен, тогда как русский воспринимался им как язык прозаической речи, форма повседневного общения (хотя в «Дневнике» можно найти косвенные свидетельства того, что с земляками-украинцами в ситуации неформального общения он переходил на украинский). С одной стороны, можно предположить, что его русскоязычие было обусловлено тем, что на протяжении всей своей жизни его окружали носители русского языка и культуры, но с другой – весьма примечателен и показателен факт того, что, находясь в ссылке, он делал записи даже самого личного или бытового характера и вел дневник исключительно для себя (а не для печати в будущем) тоже по-русски, что свидетельствует о том, что, будучи билингом, Шевченко не только писал прозу, но и вел свой внутренний монолог на русском языке. До сих пор не умолкают споры о его не совсем «украинских» корнях, что, по мнению некоторых, и стало причиной его русскоязычия, вернее, его выбора из двух языков, которыми он владел в совершенстве, в пользу русского [3], на чем мы не будем здесь акцентировать свое внимание, а обратимся только к анализу самого языка его прозы.

В 1857 году, находясь в ссылке в тогдашней Оренбургской губернии, Шевченко начинает вести свой «Дневник», записывая карандашом факты своего быта, которые не представляли бы собой какой бы то ни было высокохудожественной литературной ценности, если бы их автором не был великий поэт [4]. Причем его дневник, который, как мы уже отметили, он вел на русском языке, только в 1893 г. был переведен на украинский в Галиции (тогдашней Австро-Венгрии) под названием «Записки, або Журнал Тараса Григоровича Грушівського-Шевченка», что также заслуживает особого лингвистического анализа в рамках теории переводоведения на предмет соответствия оригиналу текста его в украинской версии [5].

В данном случае, нас интересует сугубо лингвистический анализ русского языка, русскоязычного идиостиля Шевченко, характерного для его «Дневника», который мы вкратце представим ниже.

Предварительно нам также следует пояснить факт явления украинско-русского билингвизма в тот исторический период времени. Если говорить о языке русифицированной украинской интеллигенции середины XIX в., заметим, что он существенно отличался от «пушкинского» русского языка прежде всего своей стилистической витиеватостью по причине отсутствия у говорящего тонкого языкового чутья неродного (но понятного) русского языка. Он изучался представителями украиноязычных образованных кругов, которые, будучи билингвами, осваивали его в основном по письменным литературным памятникам или научным текстам (что и придало ему своеобразную вычурность слога и отдаляло его от разговорного языка петербургской и московской интеллигенции) [3].

Русский язык, характерный для «Дневника» Шевченко, не является исключением и представляет собой яркий, весьма характерный иллюстративный пример того, в каком виде этот язык функционировал в речи образованных украинцев, менявших свой языковой код с украинского на русский и наоборот по тем или иным социолингвистическим причинам, или, как в случае Шевченко, в зависимости от поэтического или прозаического «стиля изъяснения» [6], [7].

Итак, обозначим наиболее характерные черты авторского идиостиля и особенностей русского языка «Дневника» Т.Г. Шевченко, иллюстрирующие вышесказанное:

1) украинизмы на всех уровнях языка (в первую очередь, морфологическом; частично – лексическом): *если не выучусь, как следует бравому солдату, вытягивать носка...*; *закричал дежурного* (т.е. позвал);

2) инверсия, характерная для высокого стиля: *До прибытия моего в Орскую крепость; Эрмитаж, еще мной не виданный; прибавить стакан чаю – мне казалось это роскошью позволительною;*

3) глагольные формы, свойственные для полтавских говоров: *вырвуся я из этой безграничной тюрьмы; когда пришлось нам платить дань;* как в примере выше: *проехавши... мне открылся; В прошлом году получался здесь комендантом «Библиотека для чтения». Бывало, хоть перевод Курочкина из Беранже прочитаешь: все-таки легче станет;*

4) старославянизмы в разговорной речи: *Первое замечательное происшествие... суть следующее* (речь идет о сломанном перочинном ножике); *...шепнуть разве Нагаеву и другим, чающим и не могущим вымолить защиты у жестокосерого эскулапа;*

5) многочисленные вставки из античной и европейской культуры, что говорит о глубокой эрудиции Т.Г. Шевченко и знании им текстов мировой литературы, которые он, находясь в ссылке без доступа к литературным источникам, помнил наизусть: *решил, что друг его отправился на пароходе Харона прогуляться в Елисейском парке; ...и я их не иначе называю, как Телемон и Бавкида и т.п.;*

6) сильная сатирически выраженная авторская стилистическая игра, весьма характерная для украинского языкового сознания: *Чадолюбивые и эполетолюбивые родители; Пельмени были мастерски приготовлены, и я оказал им неотложную честь; А нынче, кроме фельетона «Петербургских ведомостей» совершенно ничего нет современно-литературного. Да и за эту тощую современность нужно платить петрушкою и укропом. Хоть бы редька скорее выростала, а то совестно уже стало потчивать стариков одним и тем же продуктом;*

7) частый языковой прием контаминации, т.е. соединения высокого и низкого стиля с целью создания различных стилистических и смысловых контрастов: *Вчерашнего числа раскрыл лоб чубуком тестю своему будущему зятю; ...мерзавец меня поразил своим зловредным существованием; судьба столкнула нас в «Цареграде», не в оттоманской столице, а в единственном*

трактире в городе Чернигове... когда поселились мы, во избежание лишних расходов, во-первых, а во-вторых, чтобы, как товарищи по ремеслу, созерцать друг друга во все минуты дня и ночи, - тогда только узнал я тайную пружину, двигающую это истинно-неутомимое вдохновение. Пружина эта была – шипящий самовар;

8) модель создания комического эффекта или гротеска, свойственная украинскому менталитету, когда строго литературно построенная фраза, изначально предполагающая сугубо серьезное умозаключение, завершается резким стилистически неожиданным «скачком», построенном на смысловом «парадоксе»: *Положение жениха, действительно, критическое, и тем более критическое, что он, без нужного участия своей возлюбленной нареченной, не мог стать на ноги по случаю бесхитростной радости, или, проще, он был мертвецки пьян; Ему (солдату) простительно окунуть иногда свою сирую, одинокую душу в политофе сивухи.*

Таким образом, язык Т.Г. Шевченко в его «Дневнике» представляет собой особый предмет филологического описания, как с точки зрения особенностей авторской стилистики, так и лексики (включая словоупотребление и использование различных прецедентных феноменов). Подобный анализ важен также и с точки зрения особенностей использования русского языка билингвом, в данном случае – носителем двух близкородственных языков – украинского и русского. В данном случае актуальным также остается вопрос языковой дистрибуции в литературном творчестве поэта: как регламентировано и чем именно обусловлено использование Т.Г. Шевченко украинского языка, главным образом, в поэтических текстах, и русского – в прозаических произведениях, а также его разговорной и монологической речи.

Итак, мы наметили лишь несколько наиболее показательных характерных черт русскоязычия Т.Г. Шевченко, чтобы представить его художественное своеобразие и подчеркнуть значение его прозы для русской культуры, что ни в коей мере не уступает вкладу таких представителей украинской нации, как Г.С. Сковорода, И.П. Котляревский и, несомненно, Н.В. Гоголь.

Список литературы

1. Шевченко, Т.Г. Близнецы. Повести / Т.Г. Шевченко. – Київ: Держлітвидав України, 1964. – 95 с.
2. Шевченко, Т.Г. Твори: в 5 т. / Т.Г. Шевченко, прим. В. Бородіна. – Київ, 1985.
3. Савченко, А.В. К истокам формирования и становления украинской трехкодовости (русский язык – суржик – украинский язык) / А.В.Савченко, М.С. Хмелевский // Славяноведение. 2018. – № 6. – С. 47-60.
4. Шевченко, Т.Г. Дневник / Т.Г. Шевченко. – Москва-Ленинград, 1931. – с. 442.
5. Шевченко, Т.Г. Щоденник / Т.Г. Шевченко. – Київ, 2003. – 270 с.

6. Бондарь, Н.А. «Дневник» Т.Г. Шевченко: лексический аспект / Н.А. Бондарь, В.В. Филипович // Мовознавство. – Київ, 2014. – С. 114-122.
7. Словник мови Шевченка. – Київ, 1964. – Т.1.

ОРЕНБУРГ КАК ОБЪЕКТ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Щегрова А.А., студент
Оренбургский государственный университет

Проблема изучения города как специфического феномена является актуальной в связи с активным ростом числа городов и городского населения, динамикой урбанизационных процессов, размыванием границ городской культуры. Сложность и многогранность самого явления, множество аспектов изучения города, разнородность подходов к его исследованию (социологический, семиотический, архитектурно-эстетический и т.д.), выделение специфического предмета исследования в рамках каждого из подходов – все это не дает возможности сформировать четкое представление о феномене города.

В основу данной работы положен системный (комплексный), или культурологический, подход, так как рассмотрение города в качестве целостной системы, во взаимосвязи его структурных элементов, дает возможность наиболее полно определить характеристики и специфику как самого города, так и городской культуры. Город в данном контексте предстает как особый социокультурный феномен.

Именно такой комплексный подход к исследованию города представлен в работах М. Вебера, Л. Мамфорда, И.М. Гревса, Н.П. Анциферова, А.С. Кармина и многих других. В отечественной философской мысли основоположниками культурологического подхода являются И.М. Гревс и Н.П. Анциферов. Так, И.М. Гревс предлагает изучать городскую культуру через понятие «биография города». По его мнению, необходимо изучать биографию города как своеобразной коллективной личности. Н.П. Анциферов также был приверженцем комплексности в изучении города. В своем научном труде «Пути изучения города как социального организма. Опыт комплексного подхода» он дает определение города как многоликого живого организма, воплощающего в себе культуру всего общества [1].

Целью данной работы является культурологический анализ города Оренбурга с позиций системного подхода. В данном случае главной задачей автора является анализ города как целостного образования, как особой структурной единицы. За основу анализа взята система координат существования и развития города, разработанная М.С. Каганом.

Российский философ и культуролог М.С. Каган предлагает свой системно-синергетический подход к исследованию города, который позволяет выделить не только материальные факторы, влияющие на развитие города, но и факторы духовные, художественные. С точки зрения Кагана, город необходимо рассматривать «как целостное социокультурное образование, как сложную саморазвивающуюся систему, все грани которой взаимосвязаны, друг друга опосредуют и потому должны рассматриваться не порознь, а именно в этой

органической взаимосвязи» [2, с. 13]. Исходя из этого, автор выделяет определенную систему координат, в которых город существует и развивается. Рассмотрим специфику Оренбурга в контексте этой системы.

Важным фактором существования города является *географический (природный) фактор*. В данном случае речь идет о влиянии климатических условий на формирование особенностей городской культуры, о ландшафте города, его водных ресурсах. Природная среда оказывает влияние как на материальную культуру (тип хозяйствования; характер орудий труда; уровень индустриального развития территории; характер одежды, жилища, транспорта и т.д.), так и на духовную культуру общества (формирование обычаев и традиций, религиозных представлений, образов художественного творчества и т.п.). В становлении и развитии российских городов роль природно-климатического и территориального факторов была особенно велика: сложность и неустойчивость климатических условий, обширность территории, ее суровость и необустроенность – все это оказывало влияние не только на образ жизни людей, но и на их образ мыслей.

Оренбург – это преимущественно степная зона с широкими просторами. Город отличается резко континентальным климатом, при котором возможно изнуряющее жаркое лето и холодная морозная зима. Степь и необъятные пространства страны способствовали формированию человека широкой души, но зачастую лишённого чувства формы и самодисциплины. Следствием огромной территории России явилось также пренебрежение человека к имеющимся природным ресурсам, ощущение беззаботности и халатности в отношении их использования.

Важной особенностью менталитета россиян, в том числе и оренбуржцев, является представление о том, что границы «дома» каждого жителя очерчены нашей дверью (забором – в частном доме). Даже подъезд и двор спального района мыслится как территория, не принадлежащая жителю. Закрытость и обособленность горожан порождает безразличие ко многим важным аспектам городской жизни, низкий уровень гражданской ответственности. Россиянин в большей степени склонен решать проблемы государственного, глобального масштаба (спасение человечества, покорение космоса и т.п.), не наведя порядка в собственном доме или дворе. Такая слабая ориентация на повседневность, отсутствие духа деловитости и созидательности [5, с. 78] особенно влияет на внешний облик города, на состояние его улиц, парков, дворов.

Важной осью в системе координат, определяющей развитие города, является также его *социальный статус и характер основной деятельности обитателей* (например: столичный, провинциальный, промышленный, военный, студенческий, курортный и др.). Оренбург по своим основным характеристикам является провинциальным городом со своей особой культурой.

В качестве основных черт провинциальной культуры, которые отличают ее от культуры крупных городов, можно назвать такие, как «тесная связь природного и культурного пространств, многообразие связей с этническими

традициями, включенность культуротворчества в повседневность провинциальной жизни, близость к земле, размеренный ритм жизни, непосредственная близость и частота контактов в сфере личного взаимодействия, консерватизм, традиционализм и др.» [6, с. 145]. Однако именно эти отличительные черты позволяют жителям провинции избегать многих духовных и психологических проблем, связанных с особенностями жизни в больших городах.

Все эти характеристики в большой степени присущи Оренбургу как провинциальному городу. Тем не менее, в современном мире в связи с процессами глобализации культура провинциального города в плане организации повседневности и быта становится ближе к городской культуре мегаполиса. Отличительные особенности городов состоят в существенном различии в качестве жизни и удовлетворения потребностей горожанина: возможность проведения досуга, организация общественного питания, качество предоставления услуг, система общественного транспорта, благоустройство городской среды, безопасность жизни и др. В этом отношении жители Оренбурга во многом ведут схожий образ жизни с жителями, например, Москвы. Однако оренбуржцы имеют меньше возможностей для удовлетворения своих потребностей, что характерно для многих провинциальных территориальных образований. Это связано с низким финансированием региона, деятельностью властных структур города, высоким уровнем развития коррупционных правонарушений.

Третьим фактором существования города является его *архитектурный облик (пространственно-пластическая структура)*. Оренбург, регионально принадлежащий к системе уральских городов, имеет свои особые черты, связанные со спецификой местных художественных традиций. Полиэтничность и поликонфессиональность населения нашей области, как и всей страны, наложили отпечаток на характер архитектурного пространства города. Один из исследователей архитектурного облика Оренбурга Н.В. Свирина делает вывод о том, что «облик сохранившейся застройки характеризуется сочетанием европейских и азиатских архитектурных традиций. Буквально в каждом стилистическом направлении можно отыскать мусульманские мотивы» [7, с. 73]. Иногда они играют определяющую роль в построении здания, но чаще можно встретить отдельные элементы и орнаментальные детали на фасаде. В целом, в исторической городской застройке чаще встречаются здания в стиле модерн и эклектики.

Стоит сказать о том, что ценность архитектурного облика Оренбурга состоит в том, что, в отличие от других уральских городов, здесь во многом сохранился план городской застройки. Исторический центр города представляет собой сеть построек, которая создает целостную непрерывную историческую ткань. Именно в совокупности эти здания создают особую городскую среду. Со временем процессы индустриализации привели к тому, что произошло упрощение архитектурных форм, исчезли элементы эмоционально насыщенного, специфического местного декора, который имеет

национальные корни. Упрощение в итоге привело к «обезличиванию» городского пейзажа.

Для Оренбурга характерна невысокая плотность застройки. Город делится на исторический центр, районы поселения с застройкой частными домами и спальные районы с многоэтажками. Одна из центральных магистральных улиц Оренбурга – улица Терешковой – на треть состоит из частных домов. В целом большой процент построек частного типа характерен для многих районов нашего города. Отмечаются и негативные моменты архитектоники современного городского пространства: плачевное состояние старинных зданий и памятников истории и культуры, наличие недостроенных и долгостроев в самом центре города, обилие рекламы на зданиях.

По мнению М.С. Кагана, важную роль в формировании городов и их культуры, играет *художественно-эстетический фактор*. Важна художественная жизнь, которой живет город: это деятельность людей творческих профессий, которые влияют не только на формирование вкуса горожан, но и на нравственный облик жителей, особенности их повседневного поведения.

Показательным в этом отношении является развитие уличного искусства в Оренбурге. За последние несколько лет создано более десятка муралов (настенных граффити, созданных для украшения зданий), которые формируют пространство города и влияют на эстетический вкус горожан. Также проходят областные художественные выставки, на которых выставляют свои работы художники Оренбурга и Оренбургской области. Существует настоящий бренд оренбургской художественной школы (живописцы объединения «Академия Садки»), имеющий свои отличительные особенности. В современном Оренбурге работают художники, создающие концептуальные произведения (недолго просуществовавшее художественное объединение «КТОМЫ»), но в то же время основанные на традиционной живописной школе. Работают активные продолжатели и популяризаторы местного народного промысла – оренбургского пухового платка. Недавно созданный «Дом пуховой моды» дизайнера Анны Советовой отражает специфические особенности нашей области и дает новую жизнь традиционному элементу гардероба.

В системе координат М.С. Кагана анализ города осуществляется по внешним (экзогенным) факторам, влияющим на пространство городской среды. Некоторые исследователи выделяют еще один фактор, который можно включить в данную систему, но уже как внутренний (эндогенный) – это *антропологический фактор*. Человек в контексте своего взаимодействия с городом также оказывает значительное влияние на формирование самого пространства, на протекающие в нем процессы. Горожане объединены по определенным признакам в различные городские субкультуры. Осуществление коммуникации между ними играет определяющую роль в системе города.

Таким образом, подход к анализу города, предложенный М.С. Каганом, дает возможность проанализировать город как систему и рассмотреть различные стороны его развития и бытования. Особенности каждого фактора в

системе координат и их сочетание создают самобытный и неповторимый образ каждого города. Использование данного подхода позволяет нам сделать вывод о том, что город Оренбург имеет свои специфические особенности. Город сложился, как и многие российские города, под влиянием особых природно-климатических, территориальных, социальных условий. По своему социальному статусу Оренбург является провинциальным городом, с характерными для региональных центров особенностями. Как уральский город Оренбург обладает своими особенностями архитектурной застройки: в связи с многонациональным составом городского населения в ней заметно влияние мусульманских декоративных элементов. Для Оренбурга характерны хорошо сохранившийся план первоначальной застройки, органическая непрерывная историческая ткань города, большой процент домов частного типа во многих районах города. В городе активно развивается художественная среда, формируются новые интересные объединения и группы. Искусство Оренбурга пронизано местными специфическими особенностями, город старается сохранить свою самобытность.

Список литературы

1. Анциферов, Н.П. Пути изучения города как социального организма. Опыт комплексного подхода. – Ленинград: Сеятель, 1926. – 151 с.
2. Каган, М. С. Град Петров в истории русской культуры : учебное пособие для вузов / М. С. Каган. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2019.– 515 с.– ISBN 978-5-534-06177-2. – URL: <https://biblio-online.ru/bcode/441580> (дата обращения: 15.04.2019).
3. Киреева, О. В. Город в культурологической мысли XX–XXI вв. // Вестник СПбГУКИ– 2014. –№1(18) март.– С. 23-26.
4. Линч, К. Образ города / перевод с английского В.Л. Глазычев.– М.: Стройиздат, 1982. – 328 с.
5. Мухамеджанова, Н.М. «Расколота личность» как феномен пограничной цивилизации / Н.М. Мухамеджанова // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2014. – №7. – С. 76-81.
6. Мухамеджанова, Н. М. Феномен провинции и провинциальной культуры в социокультурном измерении [Электронный ресурс] / Н. М. Мухамеджанова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 7(81). – С. 143-146.
7. Свирина, Н.В. Городская среда Оренбурга XVIII - XX вв.: Архитектурно-художественные аспекты: диссертация кандидата искусствоведения: 17.00.04. – М., 2002. – 262 с.